

СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ
ВАРВАРА МАДОШИ

СЭЙЛ-МАСТЕР

В открытом эфире

Сергей Плотников

Сэйл-мастер

«1С-Публишинг»

2023

Плотников С. А.

Сэйл-мастер / С. А. Плотников — «1С-Паблишинг», 2023 — (В открытом эфире)

Сергей Плотников – известный писатель-фантаст, работающий в различных жанрах, автор нескольких популярных циклов книг. Варвара Мадоши – супруга и соавтор Сергея Плотникова. В сотрудничестве они создали несколько книжных серий. Одна из них – трилогия «В открытом эфире», написанная на стыке жанров космооперы и юмористического фэнтези. Перед нами альтернативная Земля, планета с множеством рас и всесилием магии. Здесь уже в конце XVIII века научились входить в гиперпространство, называемое эфиром. Началась колонизация космоса на звездолётах, построенных из дерева с помощью заклинаний. Герой книги штурман Белобрысов никак не может найти новую работу. Ни один космический корабль не хочет его нанимать. Но однажды работа всё-таки находится, правда штурману придётся влиться в чисто женский экипаж, если не считать кота, прозванного Абордажем. В компании двух бывших пираток и закомплексованной девушки-оборотня герой устремляется навстречу приключениям и, разумеется, находит их. Подробности – в книге.

© Плотников С. А., 2023

© 1С-Паблишинг, 2023

Содержание

Глава 1, о безработных и работодателях	6
Глава 2, об оборотнях и бригантинах	14
Глава 3, о «зайцах» и капитанских башмаках	22
Глава 4, об особенностях музыкальных инструментов	26
Глава 5, в которой капитана похищают, а штурман пускает пузыри	31
Глава 6, в которой говорится о сбруе, но ни словом не упоминаются лошади	39
Глава 7, об эфирных байках	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Плотников, Варвара Мадоши Сэйл-мастер

* * *

Глава 1, о безработных и работодателях

Сашка Белобрысов, двадцати пяти лет от роду, штурман высшего допуска и при этом, что характерно, мичман запаса¹, рассеянно брэнчал последними монетами в кармане и раздумывал, не сходить ли ему к маяку и не поиграть ли там на альте. Отчаянно хотелось булочек с повидлом – в воздухе плыл дразнящий запах сдобы, – но он сдерживался.

Затем Сашка вспомнил, что оставил альт на кровати в номере общаги.

Однако к белой башне маяка с синей крышей все равно хотелось: там холодный ветер с моря, и вода шумит, и разноцветные камни, и песок, по которому можно ходить босиком, и ракушки... Далекий-далекий горизонт, по которому Сашка каждый раз, будучи в эфире, успевал соскучиться.

Он посмотрел, прикидывая маршрут, вдоль длинной Кузнечной улицы, что полого сбегала вниз с холма, щеголяя недавно переложенным булыжником. Потом Сашка бросил тоскливый взгляд через плечо, на здание, из которого только что вышел. Над двойными дверями, покрытыми облупившейся коричневой краской, красовалась выцветшая, но все еще ясно различимая табличка на трех языках:

Employment Office
Arbeitsvermittlung
Центр занятости

Сунув руки в рукава, молодой человек с самым независимым видом, наплевав на послеполуденную жару – плевок зашипел на булыжнике, испаряясь, – направился вниз по улице. Нарочно по самому центру. Обедут, если что.

Эфирники, привыкшие к относительной свободе ветров и течений, весьма вольно обходились с городским транспортом.

И тут зазвонил телефон в будке, мимо которой он проходил.

«Вот тебе на! – подумал штурман удивленно. – Какой это ясновидящий меня ищет?»

Его могли разыскать родственники по матери (те еще кровопийцы). Могли и кредиторы – Сашка с шестнадцати лет усвоил, что если ты не знаешь о своих долгах, это еще не значит, что у тебя их нет. Наконец, телефон мог зазвонить случайно. В этом случае лучше было не обращать внимания, однако любопытство пересилило. Он втиснулся в крохотную кабинку с грязноватыми, поцарапанными стеклами и схватил трубку.

– Белобрысов слушает.

– Сашка! – раздался в трубке знакомый, возбужденный голос. – Времени совсем нет, старт завтра утром, а штурман послал нас на хрен! Если тебе дорога жизнь и здоровье, ни в коем случае не будь через два часа в Малом порту, у причала 3-45.

– Стой! – Сашка машинально вскинул руку, хотя собеседница, конечно, не могла его видеть. – Ты, вообще, откуда звонишь? Ты знаешь, что я в Пирс-Ардене?

– Солнце ты мое золотистое, я все-все о тебе знаю: и то, что тебя из флота выгнали, и то, почему выгнали, и то, что ты работу уже третий месяц ищешь... Ну, будь ласков, появишься?

– Санька, три ярда тебе в... – Сашка смущенно закашлялся: из-за стекол телефонной будки на него глазел смуглый ребенок на самокате. – Какого... ты мне раньше не позвонила?! Еще друг называется...

– Чертяка, ты не представляешь, что у меня тут творится! Меня же тоже выгнали, ты знаешь? С во-от такенным скандалом, искры до звезд, я удивлена, как ты про это в газетах

¹ Штурман высшего допуска не может быть меньше, чем третьим лейтенантом, а чаще вторым.

не видел! Слишком долго рассказывать, а я тут еще даже кристаллы не приняла, меня Людо-едка живьем сожрет. Короче, как из тюрьмы вышла, и секунды свободной не было с тобой связаться... Приезжай, поговорим! Ты обречен стать нашим штурманом! Тем более, ты сэйл-мастер.

При слове «сэйл-мастер» Сашка отчетливо представил облако зелено-голубых парусов, легче пуха и прочнее металла, что разворачиваются прямо у него над головой и волокут его вниз по Кузнечной, стучая спиной о каждый мало-мальски выступающий булыжник.

– Я?! Санька, бездна с тобой, я паруса поднимал раза два в Академии... и какая тюрьма?! Сандра!

– Все, некогда болтать! Короче, через два часа, причал три-сорок пять, Малый порт, а если вдруг забудешь – бригантина «Блик», фамилия шкипера – Балл, с двумя «л».

После этой скороговорки, во время которой Сашка отчаялся вставить хоть слово, в трубку щедрой рекой полились гудки.

Сашка пораженно уставился на ни в чем не повинное дерево телефона, размышляя, не послать ли ему для разнообразия Саньку на восемь загибов. Совершенно заслуженно послать, между прочим. Однако Сашка никогда не мог сопротивляться женщинам, даже если они были ему практически братьями.

Он снова вздохнул, повесил трубку и стал прикидывать, хватит ли ему времени и денег, чтобы за час добраться от Кузнечной до площади герцога Ришелье: оттуда до обоих портов ходили прямые ковры-самолеты. Выходило, что он даже успеет на один из рейсовиков, если поднажмет и если правильно помнит месторасположение остановки. А мог и неправильно: будучи прирожденным штурманом и прекрасно ориентируясь в Залунном Мире, Сашка испытывал перед обычным трехмерным пространством некоторую оторопь.

* * *

В порту царил обычная суeta, к которой Сашка привык с младых ногтей и которую не променял бы ни на что даже с доплатой. Он с наслаждением внимал многоязычной брани, запаху смолы, краски, нагретого дерева и металла и практически не спотыкался о мотки каната, разбросанные по обширной площади дока.

«Scher dich hinaus, Schweineschlacke!.. Links!»² – двое ребят, кажется, плотников из чьей-то палубной команды, тащили здоровенную доску и едва не задели ею Сашку по затылку. Один из них прибавил несколько более крепких эпитетов по-голландски. Белобрысов их не понял.

«Сами вы schweinen...» – добродушно отозвался штурман: брань плотников по портовым меркам засчитывалась за дружелюбную.

Сашка с трудом пробрался сквозь грузовую зону к финишной прямой: грандиозному изгибу «сухого пирса», от которого отходили длинные, сложнее конструкции причалов – каждый заканчивался огромным желобом, по-русски называемым ПСУ³, по-английски – launching-gun⁴, в просторечии «пушка», а совсем уж в просторечии – нецензурно. Впереди и далеко внизу лениво шевелилось море, накатываясь волнами на золотистый пляж «мокрого» пирса. Мировая несправедливость в действии для Пирс-Арден: почти весь берег в черте города – каменистый, а единственную приличную песчаную полосу заняли под зону безопасности космопорта. Весь длинный, пологий склон холма был свободен от застройки и безлюден, – это диктовали правила безопасности, – однако у воды Сашка так различил несколько рискованных купальщиков, просочившихся сквозь металлическую изгородь.

² Двигай отсюда, свиньячья кишка!.. Влево! (нем.)

³ Посадочно-стартовое устройство

⁴ Пусковая пушка (англ.)

На самом деле, купаться там было не так уж и опасно – Сашка с однокурсниками сам в академические годы часто бегал на Финский залив, в район питерского эфирного порта. Тонны воды (а может быть, и тонны заговоренного дерева эфирного судна) на голову пляжникам грозили упасть только в случае отказа пушек или, например, холостой продувки орудий. Очевидно, жители Пирс-Ардена хорошо изучили статистику родного порта и не боялись. А вот чуть правее, где начиналась зона посадочной акватории, людей было значительно меньше, из чего Сашка сделал вывод, что заклятия мягкой руки, гасящие волны, здесь по-прежнему сбоят.

«Причал три-сорок пять... три-сорок пять...» – бормотал он под нос. Причалы следовали на расстоянии около сотни метров друг от друга, однако вскоре молодой человек обнаружил, что следует вдоль второй дуги, а не третьей, да еще и в обратную сторону. Пришлось возвращаться в мешанину грузовой зоны и поторапливаться – время поджимало.

Несмотря на свои неприятности с цифрами, до причала он добрался почти вовремя и остановился в недоумении: на первый взгляд ему показалось, что «пушка» пуста: из желоба не выглядывало даже кончика грот-мачты. Неужели он ошибся?..

Тут только Сашка сообразил: «пушка» по диаметру куда больше, чем полагалось бы под бригадину, так что если сам кораблик чуть меньше средних размеров для своего класса, то края желоба могли накрыть его с клотиком.

Все-таки Пирс-Арден – один из самых больших портов в южных Русских Княжествах, а может, и во всей Восточной Европе. Сухое докование, лучшие чары, дополнительное обслуживание, более сорока «пушек». Могут позволить судну простоять на стартовом сайте несколько дней.

Сашка выпустился в первой пятерке своего курса (чему очень удивлялись все хоть немного знающие его люди), поэтому с самого начала ходил не меньше чем на фрегатах и линкорах. Подумав о размере кораблика, на котором ему предстояло теперь служить... да нет, не служить, работать... молодой человек отчего-то испытал в желудке неприятное, холодное чувство.

«Ладно, – сказал он себе, – пусть желудок дрожит, но когда он пустует несколько дней, это хуже. Полцарства я отдам, чтоб только не торчать на планете».

– Александр Иванович Белобрысов? – на флоте нервные не выживают, поэтому он не подпрыгнул при звуке спокойного скучного голоса у себя за спиной, а просто обернулся.

– Так точно, – ответ был машинальным, да и честь Сашка едва не отдал: стоявшая за ним фигура буквально излучала капитанские эманации. Этой... даме?.. он охотно повиновался бы даже в свои полуразбойные подростковые годы, когда понятия не имел о флотской дисциплине.

Колебания Сашки по поводу пола возникли не случайно.

Голос у Балл был не слишком низкий, но непонятного тембра; рост – скорее средний (впрочем, по сравнению с Сашкой почти все казались карликами), сложение худощавое. Поди, разбери, есть там грудь или нет под широкой капитанской накидкой! Загорелое скуластое лицо для мужчины сошло бы за красивое, у женщины показалось бы так себе. Правда, коса, скрученная кренделем на затылке... А что коса? Мало ли, кто носит длинные волосы. Вот сам Сашка, например... Правда, у него короче.

– Меня зовут Марина Федоровна Балл, я шкипер этой красавицы, – сказала женщина (все-таки женщина!), махнув рукой в белой перчатке в сторону пушки. – Сандра вас рекомендовала. Сказала, что навык у вас хороший, характер уживчивый и эфир вы любите.

При этом капитан смотрела так, что Сашка решил: она во всем этом сомневается.

– Ну... да, вроде, верно. Только я впервые слышу, чтобы Сандра ушла из торговцев... а вы чем занимаетесь, капитан? Частный перевозчик?

– Особый курьер и почтарь, – кивнула Балл. – Вот уже десять лет. Преимущественно. В этом рейсе по стечению обстоятельств почти весь экипаж новый: я приняла вашу подругу, нового пилота... теперь вот понадобился новый штурман.

– А почему ушел старый? – спросил Сашка.

– Заболел. Когда я последний раз с ним говорила, он обдумывал, не списаться ли на берег. Так что на этот рейс нам человек точно нужен, а там посмотрим. Вы не возражаете против временного найма?

– Я готов рассмотреть эту возможность, – сказал Сашка, стараясь не показать, что он не знал, чем оплачивать общагу на следующую неделю. Еще немного, и пришлось бы идти на поклон к родственникам. – Вообще, должен с почтовой службой легко освоиться: мне пришлось работать на военном почтовике.

– Это, в основном, забота моя и моего казначея, – пожала плечами Балл. – Вам, как штурману, почти не придется сталкиваться со *спецификой*... – она неожиданно подчеркнула голосом это слово, заставив Сашку секунды две поразмышлять над тем, что бы оно могло значить. – Если вы волнуетесь об оплате, то могу сказать, что она несколько повыше, чем в среднем по почтарям, – женщина назвала цифру, значительно превышающую зарплату старшего лейтенанта на военном флоте. – Меньше, как правило, за рейс не выходит: особые доставки и оплачиваются особо. Вас устраивают такие условия?

– Вполне, – кивнул Сашка, радуясь, что вопрос об оплате поднял сам наниматель. Он никогда прежде не устраивался по найму и сомневался, как нужно подводить разговор к таким вещам.

– Возвращаясь к вашим навыкам... – Сашке показалось, что пауза очень хорошо продумана. – Сандра мне сказала, что вы еще и сэйл-мастер?

– Ну да, способности у меня есть, – Сашка потеревил серьгу. – Я поднимал паруса в Академии, на тренировках, и потом пару раз... для себя. На военных кораблях этого не требуется, вы же знаете.

– Но, в принципе, вы можете это сделать? – капитан смотрела на него снизу вверх очень пристально, прищуренными черными глазами, и взгляд ее был на удивление пронизывающим.

«Господи, да она же вампир! – сообразил Сашка. – Отсюда и голос, и гендерная неопределенность...»

Поняв это, Сашка расслабился: к вампирам он привык.

– Я имел дело с парусами... – сказал он. – Но сразу хочу сказать: если вам нужен именно сэйл-мастер, лучше возьмите опытного человека.

Мысленно он на всякий случай попрощался с возможностью возобновить свою тающую независимость и для разнообразия поработать вместе с Санькой. Большинство вампиров очень ценят искренность, потому что сами плохо умеют юлить, но всегда есть шанс нарваться на оригинала.

– Тогда я и искала бы сэйл-мастера, а не штурмана, – Сашке показалось, что Балл улыбнулась. – Но категорию вам дали?

– Как любому начинающему. Пятую.

– Отлично. Далее. Сандра рассказала мне, отчего вы ушли с флота, однако, хоть у меня и нет оснований не доверять ее провидческим навыкам, хотелось бы услышать вашу версию.

– Заехал капитану в челюсть, – Сашка внутренне подобрался, даже закаменел. Это была та самая причина, по которой он уже начал искать работу на планете: дисциплинарников не жаловали даже у торговцев, понятное дело.

– Вот как? – Балл подняла брови. – И вас не послали под трибунал?..

– Это случилось в порту, шкипер. Вне корабля. Ссора... личного характера. Так что они ограничились увольнением.

– Личного характера? Из-за женщины?

Сашка неохотно кивнул.

– Вы можете мне приоткрыть обстоятельства?

– Боюсь, что нет, – ответил Сашка. – Прошу прощения, но...

– Хорошо, оставим это пока. У вас есть записи о ваших переходах? Удостоверения?..

Удостоверения у Сашки имелись, и даже довольно аккуратные. Последнее время он всегда таскал их с собой, хотя надежда, что когда-нибудь придется их предъявлять, постепенно таяла.

Капитан Балл изучила его бумаги до конца, в одном месте снова приподняв брови: должно быть, тот рейд к Вазату. В конце концов, она сказала:

– Что ж, несмотря на вашу молодость, опыт достаточный. Осмелюсь выразить сожаление, что такая многообещающая военно-эфирная карьера прервалась на самом старте... Зато частный флот в моем лице, возможно, приобрел еще одного талантливого штурмана. Вы приняты. Можете ехать за вещами, но до захода солнца необходимо быть на корабле. Завтра с рассветом отчаливаем.

– Отлично... – Сашка немного растерялся: он не ожидал, что решение будет принято сразу, и сейчас почувствовал, как будто ему дали обухом по голове. – Я, безусловно, очень рад, сударыня капитан... А скажите, кто, кроме Сандры, в экипаже?

– О, – Балл произнесла невозмутимо, но с ощутимыми нотками удовольствия в голосе, – экипаж у нас небольшой, но в высшей степени компетентный: кроме меня, вас и кормчего у нас еще пилот и казначей, он же старпом. Я не сомневаюсь, что вы прекрасно сработаетесь. И называйте просто «капитан», без «сударыня».

* * *

Белка неприязненно посмотрела на их нового штурмана, который возвышался над ней, как башня. Никак не интеллеktуал, слишком уж красивый, и явно об этом знает: очень ладное, открытое лицо, длинные, выцветшие до белизны волосы падают на широкие загорелые плечи, щедро открытые белой безрукавкой, в ухе серьга в виде Сатурна (а геи в каком носят? в левом или в правом?.. не вспомнить). Кроме безрукавки, штурман был одет в белые парусиновые штаны, а на физиономии у него играла мечтательная, немного смущенная улыбка. «Лох», – вот что подумала Белка, если говорить своими словами.

Кроме того, он слишком молод: лет двадцать пять, не больше. Ну как в таком возрасте можно быть надежным штурманом?..

Самой Белке месяц назад исполнилось девятнадцать, и весь ее полетный опыт исчерпывался практикой в Академии внешней торговли.

– Маленький... – заметил штурман Белобрысов, обозревая бригантину. Действительно, «Блик» едва занимал треть объема «дула».

Они залезли с пускового края, чтобы Сашка бросил взгляд на корабль, прежде чем ехать за вещами.

– Нам дали не тот размер, других свободных не было, – сказала Белка, словно защищаясь.

– А я что? – удивился штурман. – Я ничего, – он оценивающим взглядом скользнул по комбинезону Белки – видимо, заметил кровавые пятна от жертвы корабельному духу – и спросил: – А характер у нее как?

– Нормальный характер, – пожала плечами Белка, которой не хотелось сознаваться, что с другими кораблями она никогда еще не знакомилась – только с учебными. – Только «Блик» – мужского рода. Я знаю, необычно для бригав, но...

– Кстати, мы как, на вы или на ты? – продолжал настырный штурман.

– Как угодно, – Белка только плечами передернула.

– А там кто уже на борту?

– Куликова устанавливает двигательные кристаллы, Лю... Людмила Иосифовна собиралась размещать груз.

– Людмила Иосифовна – это старпом Берг?

– Старпом, казначей, суперкарго... – «всевидящее око и корабельный бог», додумала Белка, но вслух не произнесла. – Они с Мариной Федоровной давно ходят вместе.

У штурмана в глазах появилась такая экзистенциальная тоска, что Белке вдруг стало его жаль. Она представила, кого он видит перед собой – очень маленькую (метр сорок, еще и сутулится!) смуглую девчонку с торчащими во все стороны лохмами, в мешковатом рабочем комбинезоне, заляпанном смолой и жертвенной кровью, тощую и похожую на взъерошенного воробья из-за торчащих в разные стороны кудряшек. Даже «теленки» не захотят работать с подобным пилотом – и как Балл вообще ее наняла?

«Работать» в эфире неминуемо означает «доверять свою жизнь».

«Прочь пораженческие настроения, – пригрозила себе Белка. – А не то оставлю без прогулки к морю. И без ужина. Нет, без ужина мне нельзя, я и так тощая, и еще теряю в весе... заставлю съесть самую жирную и противную крысу, которая только найдется в парке».

– Вы переживаете из-за размера экипажа? У нас будет мало времени на конфликты.

– Нет, просто... одни бабы! – пробормотал Сашка. – И как я на это согласился?!

* * *

Бабы или нет, а другого корабля, который принял бы Сашку на борт, в Пирс-Ардене не было и быть не могло. Так что штурман счел за лучшее как можно быстрее разобраться с администрацией своего общежития – полублаготворительного заведения, содержавшегося на отчисления Штурманского Братства – и прибыть на борт. Чтобы забраться на «Блик», уже лежавший в желобе пушки, требовалось обойти погрузчик и подобраться снизу, от грузового шлюза.

Сашка не увидел обычной портовой активности в распахнутых настежь воротах. Очевидно, все уже погрузили утром. Высокая, широкоплечая и весьма полнотелая дама лет сорока сидела на поставленном на попу деревянном ящике, курила сигару и полировала брусом короткие ногти. На поясе у женщины висел огромный тесак, практически квадратный, будто мясницкий. Сашка чуть было не присвистнул. Никогда он прежде не видел, чтобы женщины таскали такие. Тем более, в порту: по пьяному делу здесь недалеко и до беды. Большинство предпочитало оставлять свои мечи в капитанских сейфах.

– Белобрысов? – спросила она, подняв на него прищуренные от солнца карие глаза. Вокруг глаз темнели веснушки, видные даже сквозь загар; светло-русые кудрявые волосы дамы были перехвачены на лбу белой повязкой-обережницей, почему-то без единого иероглифа или руны.

– Так точно, – сказал Сашка. – А вы – казначей Берг?

– Она самая. Willkommen⁵ и прочее, – Берг коротко улыбнулась, показав крупные зубы; у другого человека Сашка назвал бы их «лошадиными», но здесь они наводили на мысль о хищниках. – На флоте служили, господин штурман?

– Да, – кивнул Сашка, думая, насколько все-таки необычное дело: назначать в старпомы казначея, который в случае чего сам корабль вывести не может; впрочем, дело было вовсе не неслыханным: случись что с Балл, Берг так старпомом и останется, а командование возьмет либо пилот, либо штурман...

Сашка с ужасом отгнул эту мысль: по-хорошему, три вахтенных офицера для бригаантины маловато. Лучше даже не представлять, как они будут обходиться без капитана. Да еще с таким пилотом, как эта мрачная девочка-воробушек. Она вообще в эфире хоть раз была?

– А какие корабли? – спросила Берг.

⁵ Добро пожаловать (нем).

– Из наших – «Александр Невский» и «Жанна Д'Арк», а один раз ходил на союзном бриге «Дженнифер», – перечислил Сашка. – И несколько каботажных катеров в промежутке, когда я застрял на Украине.

– Как это вас угораздило остаться на Украине без найма? – спросила Берг с веселым сочувствием.

– Корабль потерпел крушение, – пожал плечами Сашка, – Адмиралтейство предпочло не платить за наш проезд до дома, а перепихнуло это дело на местное командорство. Они тоже мошну не растрясали, предпочли припахать на месте. Ну, шкипер еще потянул за ниточки, а младшие офицеры застряли, и я в том числе.

– Хоть на Наталье-то побывали? Водопады посмотрели? – так же дружелюбно продолжала допрашивать казначей, но было в ее голосе что-то, от чего Сашке хотелось ежиться.

– Не успел, – независимо отозвался Сашка, – мы так глубоко никогда не заходили... Но вот Перешеек я изучил от и до.

– В Перешейке мне тоже приходилось бывать, – одобительно согласилась Берг. Сашке захотелось сбежать отсюда на всех парусах, пока не поздно. – Да, я-то на флоте не служила: все больше frei, – она имела в виду свободный найм. – Лет с пятнадцати в эфире. И почти все это время с Мариной Балл. Вам, юноша, очень повезло: капитана лучше не найти во всем эфире – хоть в военном флоте, хоть в свободном. Выдержите под ней хоть пару рейсов – станете таким спецом, что хоть сейчас к адмиралу на флагман.

Последнюю фразу Сашка пропустил мимо ушей – очевидно, Берг не знала, что он вылетел с «волчьим билетом», – но прочие ее слова, особенно более чем короткий рассказ о карьере, заставил Сашку призадуматься.

Словосочетание «свободный найм» – не «вольные торговцы» – было эвфемизмом каперства. Как раз лет десять назад или около того, когда Сашка поступал в Академию, закончилась последняя большая война в колониях. В ней Единая Америка билась со своими многочисленными метрополиями, и ОРК⁶ участвовали то на одной стороне, то на другой. Это порою приводило к забавным курьезам, особенно когда дело касалось пленных. Вот уже лет десять в эфире стояла тишь да гладь, и, как говорили газеты, бравый век пиратства и всяческого приватирства окончательно подошел к концу. Что ж, это многое объясняло: например, почему «лучший капитан во всем эфире» Балл М. Ф. вот уже десять лет промышляет извозом, и почему у этой самой Берг такая потрясающая коллекция шрамов на шее (прикрыты волосами, но все равно видно) и левый мизинец отсутствует. Ну, и меч такой хороший. Бывшая пиратка, сомнений нет.

Тут Сашка почувствовал, что сердце его упало: он наконец-то понял, что Балл имела в виду, когда говорила о специфике курьерства. Контрабанда – это точно; а может быть, что и похуже.

С другой стороны, тогда же она сказала, что ему, как штурману, ни с чем таким дело иметь не придется.

Пока он так размышлял, Берг наконец-то поднялась со своего ящика и полезла в малый люк, предназначенный для экипажа; Сашка поднялся за ней, чувствуя, как неудобно бьет по заднице футляр с альтом, по-гитарному привешенный на спину.

В дуле пахло солью и водорослями (на запуск, конечно, пресную воду никто не тратил, накачивали прямо из океана), нагретым за долгий день металлом и, конечно, озоном. Бригантина стояла на распорках, с палубы до дна пушки свисала веревочная лестница. Берг влезла наверх удивительно легко, огромный тесак совершенно не мешал ей. Сашка последовал за ней с несколько меньшей грацией, но все-таки умудрился не стукнуться о стенки желоба и вообще никак не уронить достоинство.

⁶ Объединенные русские княжества

Половину палубы заливал солнечный свет, половина уже ушла в тень – солнце понемногу опускалось за холмы. На самом экваторе сидел и умывался огромный черный кот, почти по колено Сашке. Кот опустил лапу, поднял на вновь влезших умные желтые глаза и недовольно мяукнул.

– Это Абордаж, Маринин кот, – с удовольствием пояснила Берг. – Жирная, ленивая скотина, – это она сказала ласково. – *Die abscheulich wichtige Bestie, ich sage!*⁷

Абордаж открыл зубастую пасть и заразительно, широко зевнул, словно бы подтверждая слова казначея.

– Очень приятно, – Сашка слегка козырнул коту, как старший офицер младшему. – Продолжайте несение вахты, господин кот, я не буду вам мешать.

Берг уперлась руками в пояс.

– Я всегда говорила: если на нашем военфлоте и не учат хорошенько управляться с парусами, то уж манерам научат наверняка! – и улыбнулась клыкастее любого вампира.

Сашка в очередной раз подумал, что у него все равно нет выбора.

⁷ Черная, отвратительно умная скотина, я говорю! (нем.)

Глава 2, об оборотнях и бригантинах

«Блик» оказался корабликом немолодым, но было видно, что содержали его превосходно. Малое количество офицеров («специалистов», как говорили торговцы) на борту имело то несомненное преимущество, что в каютах оказалось достаточно места; а Сашке даже, как единственному мужчине на борту, не считая кота, досталась отдельная. Он присвистнул, оглядывая целых три квадратных метра, на которых ему предстояло комфортно располагаться месяцы полета – неслыханная роскошь! Отойдя от порога, можно было даже распрямиться и не задеть при этом ступенчатый потолок (ступеньку на потолках жилых кают образовывала утопленная в палубу рубка).

Кают-компанию Сашка нашел даже уютной: такой ее делали два мягких дивана и часы-ходики с кукушкой. А вот и деловая нота: на стене здесь висело каллиграфически написанное расписание взлетного протокола. В полутьме (к вечеру уже совсем немного света проникало в расположенный на палубе – то есть на потолке каюты – застекленный световой люк) Сашка прочел знакомые бюрократические формулировки:

Предстартовая подготовка

1. Проверить готовность корабля:

- А) Проверить закрепление груза, вещей личного состава, багажа пассажиров.*
- Б) Задраить люки, проверить герметичность внешнего корпуса.*
- В) Убедиться, что все пассажиры и личный состав экипажа (включая домовых и домашних животных) находятся на местах согласно билетам/литатному расписанию и пристегнуты надлежащим образом.*

2. Взаимодействие с диспетчерской:

- А) Дать сигнал диспетчерской (дублируется красным огнем на топовой мачте корабля и белым – на форштевне) не менее чем за 5 минут до старта.*
- Б) Получить подтверждение диспетчерской за 5 минут до старта.*

Далее почерком, более чем далеким от каллиграфического, кто-то приписал: «Специально для Булыжника!» – и пририсовал рожицу с подбитым глазом.

3. Работа наземной стартовой бригады и оборудования:

- А) Известить капитана корабля о подходе стартовой очереди не менее чем за 2 часа.*
- Б) Дождаться ответа от капитана, в случае подтверждения готовности поставить в очередь, в противном случае – отклонить старт.*
- В) За 5 минут до старта запросить повторное подтверждение, далее – как в (Б) (убедиться в наличии световых сигналов на судне).*
- Г) Включить обратный отсчет на стартовом стволе (5 минут).*
- Д) По старту произвести техосмотр ствола, в случае удовлетворительного результата начать процедуру подготовки к установке на старт нового корабля согласно общей очереди.*

4. Непредвиденные ситуации:

- А) В случае непредвиденной ситуации (разгерметизация, несчастный случай, выход из строя маршевого двигателя) выход в эфир терминируется во время стартовой параболы капитаном корабля, подается сигнал *sos* по общецфлотскому стандарту, включаются ВСЕ бортовые огни...*

– Pul mora di!⁸ – Сашку с силой ударили по плечу, и он почувствовал очень знакомый удушающий захват на шее, после чего его так же знакомо мощно развернули и облобызали в обе щеки. – Ах ты, златовласка моя, и серьга огнем горит!

Сашка немного ошалело посмотрел на подругу детства. Она была все такая же, как пол-года назад, когда он видел ее последний раз: загорелая, с безумным огнем в глазах, обвешанная несметным множеством амулетов. Целеустремленная, как выпущенный из пращи камень.

– Санька, – сказал он. – Во имя Бездны, Санька, ну хоть ты объясни мне, наконец, как так вышло, что тебя списали на берег? Ты же отличнейший кормчий, капитаны всегда тебе только что жертвы не приносили, как корабельному духу...

– За то, что я натворила, даже корабельному духу не поздоровилось бы! – фыркнула Санька. – Но в perse⁹ это все, не жалею о том, что пролито! Нас ждут приключения и все сокровища этого рукава Галактики, помани мое слово! Ну ладно, ладно, а алыт свой приволок?.. Роскошно! Устроим трио!

– Трио? – Сашка нахмурился.

– Так Балл играет тоже! На арфе. Кажется, и Людоедка на чем-то таком бренчит. Но вот Княгиня точно согласилась тебя взять после того, как услышала, что ты играешь – у нее к музыкантам слабость.

– Княгиня? Людоедка? – Санька тараторила так быстро и, как всегда, сыпала таким количеством деталей, что у Сашки голова пошла кругом.

– Ну, Княгиня – это Балл, ее так в порту половина народу называет. А вот Людоедка – это Берг...

– Твоя придумка? – Сашка узнал Санькин стиль.

– В точку. Улыбка у нее прямо каннибальская, не показалось? Ладно, пошли, что ли, покажу корабль.

Экскурсия окончилась быстро: смотреть на «Блике» было особенно нечего. Фактически, Сашка не видел только рубку – маленькую, аккуратную, затопленную сейчас синими сумерками из опоясывающих ее окон. Причем Санька в рубку даже не поднималась, просто махнула Сашке на нее рукой: как специалист, она имела нужный доступ (да и смешно говорить о доступах на таком маленьком корабике!), но Сашка не встречал кормчего, который сунулся бы на мостик по доброй воле.

Почти все место в рубке занимала огромная Чаша Мироздания с хищно нависшей над ней Иглой Судьбы. Позади рубки на палубе, у мачты, помещался фонарь сэйл-мастера – пустая стекляшка вроде телефонной будки с единственной скамейкой. Туда Сашка заходить не стал.

В капитанскую каюту они тоже не пошли, остальные каюты (всего четыре, кроме капитанской: предполагалось, что экипаж будет жить по двое или даже по трое, но в этот рейс Княгиня народу недобрала) тоже смотреть не стали. Ограничились коридором, дверью в трюм, медотсеком (примыкает к каюте казначея и документохранилищу) и полюбовались на тяжелую дубовую, с серебряными заклепками, дверь в двигательное отделение.

На «Блике», как и на любом другом эфирном корабле, двигательное отделение – оно же отсек кристаллов – занимало всю корму. Это отличие служило одной из многих причин для пьяных драк с мордобоем между «мокрыми» и «эфирниками». Другими поводами для непримиримых противоречий частенько служили: капитанская каюта на юте¹⁰, тот заслуживающий всяческого презрения факт, что корабельный колокол не отбивал склянки и, мало того, висел в кают-компании; малое количество пушек, ну и, главное, сама форма эфирных кораблей. А также уродливо, по мнению мокрых, заваленные назад мачты и почти полное отсутствие

⁸ Заявление о наличии сексуальных отношений с матерью собеседника (норв.)

⁹ Жопа (норв.)

¹⁰ Ют – нос. Капитанская каюта традиционно располагалась на корме.

фальшборта. Да и сами мачты, на консервативный флотский вкус, были куда как коротки, да еще и без такелажа. Сашка это одобрял: на собственном недолгом опыте он знал, что и с одними парусами управиться крайне непросто, а если еще добавить снасти, можно вообще с ума сойти.

Еще осмотрели камбуз.

– Готовить будем по очереди – все, кроме капитана, – объяснила Сандра.

Сашка кивнул: на маленьких эфирных кораблях, даже и военных, это было принято, и сам он, пока ходил на каботажниках, выучился сносно готовить несколько простых блюд.

– А медотсек как? – спросил Сашка. – Тоже по очереди?

– А за врача у нас Княгиня будет. Она может.

Это Сашку тоже не слишком удивило: вампирам знахарство давалось в массе лучше, чем меншам. Да и выросли они дольше, успевая в молодости получить два – три полноценных образования. Мировая несправедливость в действии! Если бы большинство вампиров не отличались редкой безалаберностью (ну, вот как Сашкина мать, например), они давно бы уже правили всеми прочими расами.

* * *

Официальное собрание экипажа произошло позже вечером и длилось недолго. Княгиня Балл собрала их в кают-компании, отдернула красную занавеску, отделяющую алтарь с корабельным духом, и подобающим образом представила духу экипаж.

– ...а также принять под защиту и покровительство груз, ныне покоящийся в трюме, спусок которого позже сожжет на алтаре известная вам Берг, – закончила Марина Федоровна тем же сухим, официальным тоном, каким она, должно быть, отчитывалась перед официальным начальством в портах.

После чего капитан зажгла ароматические палочки в курительнице, завершая представление.

– Далее, – сказала Княгиня. – Должна сообщить, уважаемые коллеги, что рейс нам предстоит непростой. Первый пункт назначения – халифат Аль-Карим. Туда – груз лекарств и ароматной смолы. Там возьмем ткани и ковры, повезем на Новую Оловать. После Новой Оловати с другим грузом, который уже оговорен – в Майреди. После Майреди, в зависимости от состояния течений, возвращаемся на Землю либо с заходом в Жасмин и Порт-Суглат, либо напрямик, если ветер позволит зайти в Стрим Дютара под нужным углом. Это основные вехи маршрута, промежуточные порты могут изменяться.

После этого она представила всех друг другу. Первый фаербол взорвался сразу же: пилота, оказывается, полностью звали Бэла Камовна из рода Тихие Травы. Оборотень! Ну, надо же. Сашка не разбирался в оборотневских территориях, но решил, что это откуда-то совсем с севера – может, из Карелии? Что ее в Пирс-Арден занесло (по словам Княгини, она окончила арденское Высшее училище эфирной торговли, как и Сандра). Было ей девятнадцать лет от роду, а число рейсов у нее равнялось нулю. Как и следовало ожидать.

Ни хрена себе. То-то глазищами зыркает.

Из своей и Сандриной биографии Сашка, естественно, не узнал ничего нового (хотя в очередной раз спросил себя, какого черта его понесло оканчивать Военную Академию в Питер, а не в Киев или Новороссийск, поближе к дому), а вот Княгиня его удивила. Она, оказывается, окончила Киевскую естественно-научную семинарию по специальности «богословие», а лицензии пилота и сэйл-мастера получала путем самостоятельного обучения. Стаж ее в эфире насчитывал тридцать восемь лет.

Но самое грандиозное откровение ждало его по поводу Берг: во-первых, Княгиня обошла красноречивым молчанием место ее учебы, хотя флотская традиция предписывала оное сообщать; во-вторых, казначей оказалась лишенцем – инвалидом, лишенным магических спо-

собностей! И вот это было совсем удивительно, тем более что ее стаж в эфире составил удивительную в этом свете цифру в тридцать лет, а список рейсов впечатлял даже при том, что Княгиня упомянула не все.

Окончив, Княгиня зорко оглядела их.

– Если кто-то недоволен составом экипажа, просьба сказать здесь и сейчас или забыть о своих претензиях до конца рейса.

Сашка с трудом подавил недостойное желание нервно засмеяться – несмотря на свое удивление безмагичностью Берг и оборотневой природой Бэлы.

Для того и проводится последнее представление экипажа перед отлетом, чтобы, если кто вдруг обнаружит, что с ним в экипаж случайно затесался член клана его кровных врагов или представитель враждебной конфессии (ну, или просто тот же оборотень, например), он мог бы сказать об этом капитану и уволиться, не доводя до бунта в открытом эфире. А то бывали прецеденты.

Сашка тщательно проинспектировал себя. Сможет ли он смириться с оборотнем (неопытным оборотнем!) в качестве пилота?.. Казначей-лишеница – это еще черт бы с ним. Вон Сандра сидит, даже губу не кусает, как будто все знала заранее. И Княгиня... Тридцать восемь лет в эфире, десять лет капитаном – не дура же она!

...И в любом случае, это ничего не меняет. Во всем Пирс-Ардене нет ни одного другого корабля, который согласился бы взять Сашку на борт.

А все-таки он влип. Экипаж под командованием капитана – бывшей каперши или даже прямо пиратки, с оборотнем в качестве пилота и казначеем-лишеницей...

Ладно, кто хочет жить долго и без сюрпризов – тот идет в монастырь, а не в эфирный флот.

* * *

Белка приложил ладонь к сканеру на приборной панели и сосредоточилась на том, чтобы не отдернуть руку: ощущения не самые приятные. Как будто кто-то гладит тонким перышком – по вискам, скулам, задевает ресницы, спускается ниже... Тяжелое испытание для оборотня, который привык охранять свою территорию.

Но у Белки никакой территории давно уже нет.

Процедура полной аутентификации для пилота – дело серьезное: нужно показать духу корабля, кто здесь хозяин. Бэле рассказывали (да она и сама видела), что среди пилотов попадают и нервные люди, даже откровенные истерики, однако стоит им начать заниматься своим делом – и человека словно подменяют. Ведь пилотирование – это не только цеплять на голову «терновый венец» и следить за приборами во время маневров. В ход идет любая эмоция: радость – ускорение, спокойствие – движение, злоба и ярость – защита и нападение, любопытство – вход в эфир, а испуг... испуг нужен, чтобы из эфира выйти.

Можешь так управлять собой, лисица?..

Любой клан – это стадо или стая. Барсук, увидев волка, должен испугаться и уступить; тигр – главный охотник в своих угодьях; в волчьих семьях – почтение прежде всего. Инстинктивные поведенческие реакции завязаны на инстинктивные эмоции. Именно это делает оборотней оборотнями, а вовсе не возможность смены облика. В конце концов, есть ведь и те, кто по тем или иным причинам утратил возможность оборота – это беда, но не позор.

Если ты получаешь власть над эмоциями – ты получаешь власть над самой сутью, над тем, что позволяет тебе подчиняться правилам и подчинять. Поэтому ни один родитель-оборотень ни за что не отпустит учиться на пилота добром.

Перышко пощекотало пятки и замерло, а у Белки закружилась голова: вот она сидит в пилотажном кресле, и она же лежит на плотно-удобных подушках многочисленных опор,

удерживающих стремительный корпус, похожий на половинку наконечника стрелы. Именно так, как она любит – килем вниз, палуба горизонтально. Конечно, на воде лежать приятнее, но и так неплохо – днище проветривается, тело нагревается на солнце.

Приступ слияния с кораблем проходил (так ярко обычно бывает только в первый момент), ощущения смазывались. Зато ожили приборная панель и консоль: лениво покачиваются заговоренные веревочки лага, готовые по первому движению связаться в замысловатую косицу, тлеют огни носового оружейного поста, перекачивается игла-навигатор по чашке. На толстом прозрачном хрустале ходовых иллюминаторов зажглась проекция корабля, один за другим вспыхивали ответы от датчиков: кормовой люк закрыт, грузовой люк закрыт, закрепление груза в трюме – первый отсек – норма, второй отсек – норма...

Пилот рассеянно следила за ответами контрольной системы – все это она уже знала и так благодаря слиянию. Но на духа надейся, а сам не плошай.

Состояние марсовых генераторов – норма. Вся проекция залита зеленым, ни одного желтого или красного пятнышка. Белка повела рукой – и на топе зажглось яркое красное пламя, форштевень озарило призрачно-белое, отлично видимое в предрассветных сумерках сияние ходового огня.

«Мы пойдем домой», – подумала Бэла, и корабль тут же подобрался, готовясь по наколотой тропинке-ориентире броситься к далекой светлой точке – какому-то там портовому городу халифата Аль-Карим (Бэла забыла название). Там теперь его дом до конца полета, и туда он будет стремиться, бежать легким лисьим шагом, пригибаясь и пытаясь слиться с прихотливыми складками пространства, не оставить лишних следов. Корабль всегда движется так, как его пилот.

– Капитан! Все системы в норме!

– Благодарю вас, пилот. Двухчасовая готовность подтверждена!

* * *

Двухчасовой пре-старт – самая нудная часть полета для штурмана: аврал для него начинается непосредственно перед стартом. Маршрут уже давно выверен, согласован с капитаном, нанесен на чашку и стал частью полетного плана, под который сконфигурированы двигатели, запасены припасы и все остальное. В кают-компанию пойти? Да нет там никого: капитан и пилот на мостике, Сандра в двигательном отсеке, Берг в трюме делает инвентаризацию: после герметизации люков уж точно ничего измениться не может.

На самом деле вопрос с бездействием решался просто: поскольку всю ночь Сашка провел, выверяя составленный еще его предшественником план полета, ему больше всего хотелось только спать. Но почему-то не спалось – молодым человеком владело нервное возбуждение, как всегда незадолго до отлета.

Ничего: Сашке не первый раз приходилось поднимать корабль после бессонной ночи. Благо, в большинстве портов всегда есть, с кем эту ночь провести.

Штурман огляделся: каюта как каюта, маленькая, тесная. Жесткая дощатая банка – постель, стул и рундук в одном; откидной стол, дверцы стенного шкафа, над кроватью – стандартные крюки под холодное оружие. Иллюминаторов нет, украшений нет, только футляр с альтом сиротливо стоит в углу.

Еще раз подумав, Белокрысов переложил инструмент горизонтально: ниже палубы не упадет. Корпус корабля слегка дрогнул.

Прислушавшись, штурман разобрал плеск и шелест из-за борта – вода наполняла стартовый сайт пушки. Значит, диспетчерская служба дала добро, старт разрешен. С протяжным вздохом Сашка вновь уселся на банку, вытащил нотную тетрадь и стал разбирать «Грустную

пиратскую»: раз уж Сандре втемяшилось играть, мимо нее ни за что не пройдет – это ее любимая.

* * *

– Пятиминутная готовность.
– Запрос подтверждения.
– Подтверждение получено, старт разрешен, – Белка еще раз пробежала глазами индикаторы и приборы. – Все системы в норме. Начинаю обратный отсчет.
– Аврал экипажу.

«Динн-динн-динн» – на эфирных кораблях не бывает боцмана, и команды всему экипажу подаются не дудкой, а колоколом громкого боя. При этом колокол не отбивает склянки – традиция. Эфирникам требуется куда более точный расчет времени, бесконечные песочные часы находятся в ведении кормчего. Корабельное время выставляет капитан перед каждым стартом – как правило, по времени порта прибытия.

– Штурман пост принял, навигация в норме, к старту готов, – Сашка уселся на свое место, зафиксировал поворотный стул и пристегнулся.

Балл отреагировала кивком головы.

– Кормчий на посту, к старту готова, – слова Сандры пока не сопровождали привычный Сашке шорох и шипение – двигатели не запущены.

– Казначей на месте, к старту готова, – невнятные слова звучали не из интеркома (шар оставался темным), а из медной трубки, выходящей из-под палубы рядом с креслом капитана. Трубка заканчивалась изогнутой воронкой немалых размеров. Ну и ну!

Правильно, интеркомом лишенка пользоваться не может, вот и придумали какое-то чудное.

– Как там Абордаж? – наклонившись к воронке, почти проорала Княгиня.

– В порядке, вцепился в свою подстилку и шипит.

Сашка встретил недоумевающий взгляд Белки – и оба воззрились на капитана.

– Это переговорная труба. Я вижу, вам в новинку, штурман? Такая система применяется на серебряных шахтах для связи с поверхностью.

Сашка отвел взгляд от медной трубки. Ладно, ну лишенка, ну и что с того?.. От казначея ход корабля не зависит. И если она продержалась в эфире тридцать лет...

Стоять! Как он не сообразил?! Если она лишенец, значит, она гораздо моложе, чем выглядит: наверное, ей не шестьдесят-семьдесят, как он подумал, а лет сорок пять, не больше. Значит, сбежала в эфир совсем девчонкой. Однако.

– Минута до старта.

Белобрысов еще раз подергал ремень – сидит плотно, стул зафиксирован по ходу движения. Неприятнее старта в полете ничего нет... разве что посадка. И то: во время посадки страха больше, неудобства меньше. Вне эфира кристаллы не могут создать достаточную гравитацию, не изгадив все вокруг корабля, а перегрузка все-таки нешуточная: подбросить даже пятидесятитонный «Блик» на полсотни метров вверх – непростая задача, для решения которой и создаются сложнейшие стартовые орудия.

Корпус вздрогнул еще раз – вода в канале медленно потекла, с каждой секундой ускоряя свое движение. Сейчас опустятся стартовые опоры, которые держали корабль на ровном киле в сухом состоянии.

Белка поправила «венец» и взялась за рукоять штурвала.

– Отсчет – ноль.

Опоры беззвучно отошли, и корабль побежал по руслу. Понемногу двигая рукой, Бэлла удерживала набирающий ход «Блик» по центру пушки. Отражаясь от бортов канала, натываясь

на плоскую корму и рассыпаясь брызгами, особенно яркими в первых солнечных лучах, волны подгоняли его все быстрее и быстрее. Появилась бортовая качка, потом и килевая, а потом пришла она – большая стартовая волна.

Огромный гребень вровень со стенками пушки подхватил эфирный парусник – легко, как жалкую дощечку, и понес навстречу вырастающей впереди стартовой стреле. Навалилась перегрузка, палуба наклонилась, мгновение – и вот уже бригантина не плывет – летит.

– Двигатели – пуск.

– Есть, двигатели пуск.

Массы воды, разбиваясь об воздух, отставали от корпуса блестящим, искрящимся на солнце шлейфом, а взамен корабль окутывался дымом – точь-в-точь, как ядро, выпущенное из древнего порохового орудия. Ускорение, прижимавшее Сашку к креслу, исчезло, и он в восхищении следил, как вслед за все достигающим высшей точки траектории «Бликом» наклоняется, отбегает горизонт, как сверкают под ними воды океана, как...

– Двигатели на полном ходу.

– Эфир! – уже привыкнув к практически неизменной интонации капитана, штурман вздрогнул – так неправдоподобно довольно звучал голос Балл.

Вздрогнула и пилот, вздрогнуло само пространство, разом оставив в прошлом дымный след и сияние солнца над самой гранью океана. Исчезло ускорение, корабль больше не падал, поверхность планеты смазывалась под ними, бежала прочь, и странно поблекшее светило косматым маленьким шариком катилось слева через совершенно прозрачные, потемневшие небеса.

– Вход в эфир выполнен, капитан.

– Уводите нас из гавани, пилот.

– Выполняю маневр расхождения с планетой, – Бэла крутанула штурвал, и мир повернулся вокруг них, стремительно проваливаясь вниз и назад. – Следую к маршрутной точке номер один. Скорость пятнадцать узлов, растет.

– Продолжайте. Госпожа кормчий, двигатели на крейсерский ход.

– Двигатели на крейсерском ходу, – подтвердил голос Сандры.

Через обзорные иллюминаторы капитанского мостика были видны далекие звезды – тусклые разноцветные точки на фоне наливающейся черноты – и бортовые огни кораблей планетарной защиты (обязательно три в поле зрения). Миновав пограничный кордон, совсем не выглядевший грозным с такого расстояния, бригантина вырвалась в открытый космос.

– Маршрутная точка номер один, капитан.

– Ложимся на курс.

Сашка посмотрел на навигационную «чашку» – линия движения, намеченная еще пару дней назад, светло-синей нитью бежала по координатному ложу: от Земли и Солнца, вверх по эклиптике до белого гиганта – Язы, несокрушимой скалой разбивающего эфирные течения. Оттуда поворот к центру галактики и, пересекая попутные течения под небольшим углом (что позволит дать выигрыш в скорости почти на тридцать процентов по отношению к полету по прямой сразу к цели), к небольшому желтому солнышку со странным названием Аль-Алькабла, вокруг которого и крутится мир, целиком занятый почти сто лет назад халифатом. Мелкая, ничем не примечательная колония с по-восточному колоритными обычаями и строгими законами, на которые сами жители смотрят сквозь пальцы.

– Маршрутные указания в норме, корабль следует утвержденным курсом.

Традиционные корабельные фразы и ответы на них иной раз не менее сакральны, чем протокол какого-нибудь богослужения, и так же мало соответствуют истине. Легко сказать, «следует утвержденным курсом» – в околоземном пространстве, как всегда, не протолкнуться: корабли, дебаркадеры, «сырые» доки, стыковки, расстыковки, транзитные операции... Тысячи кораблей всех возможных форм, расцветок и конструкций – дрейфующие, взлетающие, садя-

щиеся. Там и тут нет-нет да и вспыхивали паруса прогулочных яхт, легко опознаваемые по самым причудливым расцветкам.

Предположим, в самом Пирс-Ардене разница между стартами составляет неизменные десять минут, но мало ли портов даже в ОРК! А если учесть, что в этом же секторе эфира стартуют-садятся турки, англичане и добрая половина Континентальной Европы, сразу становится понятно, отчего в плошке радара разыгралась самая настоящая буря. Конечно, столпотворение весьма относительно, корабли разделяют десятки кабельтов, а то и сотни, но в такой давке расстояние – штука обманчивая.

«Блик», направляемый разумом Белки, петлял, перемещался все выше и выше, оставляя за кормой стремительно уменьшающуюся планету и сутолоку, ко второй маршрутной точке, где управление полетом можно будет переложить на духа корабля и, наконец, расслабиться.

Мимо них темной величественной массой проплыла Луна, обвитая разноцветными кольцами заклятий. Высаживаться на безжизненных планетах нельзя, ибо на них нет магического поля, но Луну так часто на протяжении всей земной истории делали «якорем» своих заклятий различные маги и магические корпорации, что это находило в эфире определенное отражение.

Затем «Блик» вошел в темно-фиолетовый поток Нижнего Залунного Стрима. Здесь стало полегче, а еще через полчаса, за Марсом, Стрим покинул плоскость эклиптики, и вокруг них раскинулось безбрежное, пронизанное разноцветным светом, пространство открытого эфира с затуманенными огоньками звезд.

– Вторая маршрутная точка, капитан, – доложил Сашка.

– Отлично, Белобрысов. Пилот, мощность кристаллов на четверть.

Бэла послушно повторила приказание в хрустальный шар корабельной трансляции, откуда Сандра жизнерадостно доложила о выполнении. Энергию кристаллов следует беречь: Стрим, конечно, волочет бригантину значительно медленнее, зато нет опасности, что в решающий момент корабль превратится в бесполезную, не держащую ни воздух, ни давление деревяшку, и всех членов экипажа постигнет мучительная смерть.

– Отбой авральному расписанию, – Балл первой отцепила ремни безопасности, встала, слегка повела плечами. – Продолжать дежурства согласно вахтенному расписанию.

С этими словами она вышла.

Белка стянула с головы «венец» – на лбу и следа не осталось от шипа, собиравшего кровавую виру за вход эфир – молча кивнула Сашке и с хмурым видом спустилась следом за капитаном. А Сашка блаженно растекся по штурманскому креслу. За что он любил эфирный флот, так это за то, что даже в смену не приходится особо напрягаться. Пока, конечно, не случится какая-нибудь фигня. Но у нас или фигня, или аврал – на то уж он и эфир.

Глава 3, о «зайцах» и капитанских башмаках

Вахта шла мирно. Покачивалась веревочка лага, тихо поскрипывала кукушка в кают-компании, а вахтенный штурман деликатно похрапывал. Заснул Сашка совершенно без зазрения совести: восьмичасовое дежурство – это безобразно много. Если уж Княгиня не позаботилась набрать достаточно офицеров, то пусть не переживает, если они стремятся сохранить жизнь и здоровье. А после вчерашнего выматывающего пре-старта искушению Морфея не смог бы противиться и самый стойкий стоик из всех древних греков.

И все-таки выспаться ему не дали: часа за два до конца вахты по корабельной трансляции разнеслось:

– Кормчий вызывает мостик, Белобрыскин, отзовись!

– Да! – гаркнул Сашка в хрустальную подвеску переговорника, со сна чуть ли не басом.

– Докладываю, – сказала Санька беззаботным тоном. – При попытке осуществить плановую проверку кристаллов я обнаружила, что вход в кормовой отсек заблокирован.

– Как заблокирован? – не понял Сашка.

– Заперт изнутри, – пояснила Санька. – Поскольку засова там нет, думаю, его кто-то припер бочкой с водой.

Сашка представил упомянутую бочку, и ему стало нехорошо. Весила она чуть ли не тонну.

– Кто мог ее сдвинуть?

– Любой, кто имеет власть над водой, например, – сказала Санька холодно. – Капитана будить будешь, вахтенный?

Сашка в красках представил, какие на его голову обрушатся громы и молнии, если он в первую же свою вахту потревожит всемогущую Княгиню. Однако делать было нечего: ситуация и в самом деле из ряда вон. Посторонний на корабле, подумать только! Как будто не было, по меньшей мере, дюжины проверок и инвентаризаций.

– Тревогу бить, – мрачно ответил штурман.

– Да ладно, чего сразу тревогу! Сами разберемся.

Сашка сжал зубы: он за многое любил и уважал Саньку, но не мог поверить, что в подобный момент она проявляет такую безалаберность – по-хорошему, ей следовало самой объявить тревогу сразу же, а потом докладывать вахтенному офицеру.

– Ну ладно, тогда я сейчас в колокол позвоню, мне ближе, – сказала Санька, увидев его лицо, и отключилась.

Пока Санька бежала узким коридором до кают-компании, Сашка положил руки на хрустальный шар и вызвал капитанскую каюту. В сеточке для волос и розовой пижаме с сердечками капитан выглядела странновато. Она спокойно выслушала Сашкино сообщение о постороннем на корабле.

– А! Видно, пробрался в виде крысы.

Сашка только удивленно воззрился на Княгиню.

– Отставить тревогу, – снизошла та до объяснений. – Если ни мы, ни диспетчерская его не засекли, это или бес, или призрак, или домовый. Догадываюсь, – добавила она довольно сухо, – что на военных судах вы ни с чем подобным не сталкивались, штурман, но торговцев эти паразиты не боятся. Надеюсь, вы в состоянии справиться с мелкой нечистью?

Тут до Сашки с опозданием дошло, почему Санька осталась так неподобающе беззаботна. Он попробовал дотянуться до нее – скорости ради – по их личному телепатическому каналу, а не по общей связи, однако было поздно: корабль, от киля до верхней палубы, продрал до досок обшивки низкий, встревоженный звон большого колокола.

«Ну вот», – тоскливо подумал Сашка, представив себе выражение лица Берг и мрачную угрюмость пилота, по пустяковой причине выдернутых из заслуженного сна.

Все, однако, оказалось не так страшно: Белка, вскочившая на мостик меньше чем через минуту после объявления тревоги, просто хмуро посмотрела на Сашку, неожиданно широко зевнула, прикрыв рот рукой, и едко спросила, может ли она, раз ничего сверхъестественного не случилось, пойти доспать положенное ей время.

– Нет, – ответил Сашка извиняющимся тоном, – примите мостик, пилот; а я схожу, посмотрю, что там можно сделать.

Без особой радости Бэла плюхнулась в пилотское кресло.

– В чем дело, штурман? – спросил мрачный голос Берг из медного растреба.

– Ничего особенного, – сказал Сашка. – Посторонний в отсеке кристаллов. Капитан считает, что это домовый или призрак.

– А! – хмыкнула труба. – Glasklar¹¹. Also,¹² предлагаю заскочить ко мне и взять бесогонного средства, сбор № 14. Кто у вас будет заниматься изгнанием?

– Я, – сказал Сашка, сообразив, что его приказ Белке оставаться на палубе был вполне оправданным: как оборотень, она магическими силами владела в малой степени, а сваливать изгнание беса на одну Саньку было бы и нечестно, и неэффективно.

– Значит, вы и зайдите. Тревога отменяется, вахтенный?

– Отменяется, – согласился Сашка.

Еще через несколько минут они с Санькой, походной жаровней и маленьким пузатым мешочком бесогонного сбора стояли возле обитой заклепками двери в двигательный отсек. Каюта казначея располагалась отсюда неподалеку, в трюме, и Людоедка очень просила «воспевать не слишком громко, а то у меня до сих пор от заговоров таможни башка zerspaltet sich¹³».

Как вскоре оказалось, Людоедка не знала, о чем говорила.

Едва Сашка и Санька разожгли под жаровней небольшой магический огонек и бросили в пламя первую же щепотку сбора, дым пошел такой, что стало не до гимнов – прочихаться бы! Сашке даже показалось, что они с подружкой сейчас изгонятся не хуже предполагаемого призрака.

Наконец, дым мало-помалу втянулся в узкую щель под дверью, и оттуда послышался неправдоподобный вой:

– Ой, матушки-батьюшки! Что ж я, бедный-несчастный, вам такого сделал, за что живота лишаете!

Голос был противный, театрально плаксивый – какой-нибудь Петрушка из кукольной пьесы для детей, – но ни капли не призрачный. Значит, либо мелкий бес, либо бездомный домовый, который не побрезговал забраться на борт без приглашения.

– Отодвигай бочку от двери и выходи подобру-поздорову, – пригрозила Сандра зловещим голосом.

– Будь поласковее, девица-красавица! Как же баньку натопить и спать уложить, да? А потом уже расспрашивать!

– Сейчас я тебе покажу «поласковее», – пообещал Сашка самым тяжелым тоном, на который был способен, и на пробу врезал по двери кулаком. – Д-добрый молодец, you rotten horsecunt¹⁴!

¹¹ Ясно (нем.)

¹² Итак (нем.)

¹³ Раскалывается (нем.)

¹⁴ Намекает на родство собеседника с определенными частями кобылы (англ.)

Кулаки у штурмана были тяжелые, – недостаточно, чтобы чувствительно сотрясти обитую железом дверь, однако звук получился громкий. Демонстрация силы в сочетании со злобной руганью оказалась действеннее окуривания: их собеседник сдался.

– Все-все! – крикнул голос, на сей звучащий уже нормально, без кукольного издевательства. – Понял, начальник! Выхожу.

Из-за двери послышались сдавленные ругательства (исключительно на архаичном русском), потом – скрежет тяжелой бочки по полу.

– Только дверь не открывай! – крикнула вдруг Санька, побледнев. – Экипаж облучишь!

– Не первый раз замужем! – ответили из-за двери.

Тут же незванный гость просочился прямо сквозь заговоренные створки.

«Заяц» оказался моложе Сашки и Саньки лет на пять – или так выглядел. Совсем еще мальчишка, короче говоря. Одет он был в клетчатую рубашку, мешковатые штаны с большим количеством карманов и парусиновую куртку, которая, казалось, могла бы заменить ему парус, если бы он расставил руки. Босиком, но в грязно-серой шапочке, из-под которой ниже колен свисали длинные черные волосы. В руках парень виновато вертел белый истерзанный ботинок со шнуровкой.

– Ну, утро доброе, начальники, – сказал он, подняв на Сашку и Саньку невинные зеленые глаза, очень большие и яркие на бледном, скуластом лице. – А я чего поделаю, если они... и так, и эдак... и в башмак запихали... и не спросили!

– Кто в башмак? – спросила Сандра, а Сашка эхом повторил:

– Кого не спросили?..

Парень потупился.

...Для объяснений все собрались в кают-компании (подтянувшаяся Княгиня даже не подумала переодеться из розовой пижамы, хотя волосы уложила). Дело не терпело отлагательств: если бы домового – а уже стало окончательно ясно, что перед ними домовый – решено было высаживать, делать это следовало теперь. Прямо сейчас он мог добраться до Марса-2, эфирной станции на орбите реального Марса, в катере, дрейфуя по воле ветров, которые здесь дули по направлению к Солнечной Системе.

– Помилуйте, сжальтесь! – простонал домовый прежним дурашливо-плаксивым голосом. – Я этого вашего «ветра» от «течения» не отличу, а вы – в шлюпе!

– Ветер уже, но бьет сильнее, и его видно лучше, вот и все, – раздраженно бросила Сандра. – «Не отличит» он! Откуда? – она потрясла перед носом у домового бутылкой «Северного сияния», изъятой у него из кармана.

– С собой пронес! – мигом ответил тот. – Нишкни, неточки, не брал я из ваших запасов, ничего не брал!

Еще одной способностью домовых, помимо хождения сквозь стены, была способность проносить с собой спиртное. Чаще всего в неограниченных количествах.

– Как тебя зовут, чудо? – с брезгливой жалостью спросил Сашка.

– Василий я, – домовый часто заморгал. – По батюшке Христофорович, Христофоровы мы.

– С ботинком мне все ясно, – сказала Балл. – Ботинки я выкинула перед самым стартом. Видимо, коллеги Василия, решили подшутить над ним, напоили и уложили в ботинок. А он очнулся здесь только после старта.

– Ни черта себе! – в голове Василия вдруг словно прояснилось, он перестал паясничать. – Они что, меня, выходит, в капитанском ботинке пронесли?!

– Это точно мой ботинок, – сказала Балл с непроницаемым лицом. – А я здесь капитан. Методом простой дедукции получаем, что капитанский ботинок.

– Так я теперь тут повязан! – Василий схватился за голову. – У меня же место на «Касиопее»!

– Всем нам приходится чем-то жертвовать, – пожала плечами Балл. – Ладно. Ввиду этого обстоятельства, а также того, что лишаться катера я не хочу, я официально признаю вас домовым «Блика». Штурман, попросите Людмилу Иосифовну, когда она проснется, внести Христоворова в судовую роль как условного пассажира¹⁵. С гильдией домовых потом разберемся.

¹⁵ Обычное обозначение домовых в судовых ролях.

Глава 4, об особенностях музыкальных инструментов

– Временным штурманом я и останусь до конца полета, – меланхолично подвел итог Сашка, дергая струну. – А потом меня спишут на берег, и я буду искать себе какое-нибудь дырявое корыто на маршруте Земля – Проксима.

– Да с чего ты взял? Еще только третий день полета.

– Санька, она ко мне придирается, – они и так разговаривали очень тихо, вдобавок настраивая инструменты, но тут Сашка и вовсе понизил голос до шепота, чтобы даже малейшего отзвука не просочилось сквозь переборки. – Я с Княгиней не уживусь. Она еще после домового на меня косо смотрит. Во время огневой тренировки, опять же...

– Да ладно, во время огневой тренировки все плохо себя показали, – пожала плечами Сандра. – По две пушки на человека – это много. Если бы хотя бы Людоедка могла ворочать орудием, еще туда-сюда, а так... Ну, и мне ничего: пали и пали. А на тебе и маневры, и огонь...

– Да ладно, мелкими маневрами пилот ведает, поэтому ей Княгиня и отдала только одну пушку из семи, – махнул рукой Сашка. – Все дело в том, что я слишком мало знаю боевых заклинаний. Ну, сама понимаешь: на военных кораблях если ты штурман – то ты штурман, и к орудиям по тревоге не становишься.

Сашка говорил фигурально: управление семью орудиями «Блика» (нос, два кормовых и четыре бортовых) выводилось на мостик, в каюту казначея и в двигательный отсек, на пост кормчего. Еще дополнительные терминалы можно было настроить в кают-компании, возьми Балл на борт дополнительных спецов. «Стоять» у них никому не приходилось: наоборот, обстрел заклинаниями требовал столько сил, что нужно было только сидеть или даже лежать.

– Все фигня, кроме пчел, – пробормотала Сандра, проводя смычком по струнам, – и пчелы тоже фигня... Все образуется. Разучишь ты заклинания, нам еще только до Аль-Карима две недели – как пять зачетов сдать. Я тебе книжку одолжу. Helvete¹⁶, и где она умудрилась так расстроиться?

– Ты очень неосторожно обращаешься с инструментами, – сказал Сашка, с нежностью глядя на нее. Его собственный альт не слишком пострадал от переноски; впрочем, Сашка никогда не считал себя великим музыкантом и сам настраивал всегда только гитару: на альт слуха не хватало. Гитару он сломал о голову того самого капитана, которому заехал в челюсть, так что теперь любимого инструмента у него с собой не было.

– Зато инструменты ко мне привыкают, – со всей убежденностью произнесла Сандра. – И отражают мою индивидуальность.

Тут Сашка не мог не согласиться. Насколько он помнил, ее скрипки (а скрипки менялись каждые несколько лет, вырастая вместе с Сандрой, пока ей наконец-то не приобрели взрослую) всегда были украшены какими-то привесками, фенечками-мулечками, расписаны рунами и иероглифами (якобы ради улучшения акустических данных), щеголяли дополнительными отверстиями в корпусе или еще чем-нибудь таким.

Вот эта, нынешняя, скрипка пестрела ультрамариновыми и ярко-оранжевыми полосами, что вполне сочеталось с какими-то плетеными цветными шнурками в Сандриных коротких (едва закрывают уши) черных волосах, с ее сережками (в правом ухе четыре, в левом три), кольцами, браслетами и прочими украшениями, которые делали кормчего похожей на бродячую лавку амулетов.

Зато из прочей одежды Сандра изо дня в день носила один и тот же серый комбинезон на голое тело и высокие ботинки. Выглядело это впечатляюще, поскольку младшая из трех дочерей Свендаттир вымахала ростом с Сашку, и все остальные ее достоинства удались пропорци-

¹⁶ Ад (норв.)

онально. Сашка, пожалуй, реагировал бы на это впечатляющее декольте с большим ажиотажем, если бы между ним и Санькой не произошло уже столько всего, что он мог воспринимать ее сиськи исключительно в виде приятного фона.

Он также знал, что для мага-корабельщика Сандра отличалась прямо-таки редкостной умеренностью во всех своих проявлениях.

– М-м-м... – согласился Сашка. – Что сыграем?

– Веселую пиратскую? – предложила Санька, беря пару лихих плясовых аккордов.

Сашка хмыкнул и попробовал поддержать, но почти сразу выбился из темпа и взмолился:

– Давай что-нибудь полегче, братец!

– Грустную пиратскую?

– Избави боже! Я отстану на втором такте... ну ладно, на третьем. Нельзя ли что-нибудь человеческое?

– Что? «В лесу родилась елочка»?..

– Отчего нет? Для разогрева хотя бы...

– Златовласка моя, ты невероятно обленился и деградировал. Давай хотя бы... – она начала было «Турецкий марш», но тут дверь приоткрылась, и в кают-компанию скользнула Бэла Димины, закутанная в кусачую даже на вид серую шаль.

– Вы не на вахте? – спросила Бэла.

– Сейчас капитанская вахта, – ответила Санька за Сашку. – А у меня плановая проверка... – она бросила взгляд на часы, – через восемьдесят две минуты. Так что мы решили освежить наши школьные опыты... Мы тебе спать мешаем?

– Нет, – Бэла тоже посмотрела на ходики. – Я мало сплю. Я хотела спросить... к вам можно присоединиться?

– О, ты тоже играешь? – Сандра выглядела удивленной. – На чем же, если не секрет?

– Я ударник, – тихо пояснила Бэла. – У нас в училище была группа... Установку на корабль с собой не возьмешь, да у меня и нет своей. Но пару тамбуринов я прихватила.

– Ха, дело поправимое, – воскликнула Сандра. – Вот ка-ак доставим особо важный груз, ка-ак разбогатеем, ты сразу же купишь установку и попросишь Сашку ее сюда доставить.

– Не дотащу, – с достоинством возразил Сашка. – Она громоздкая.

– Не прибедайся! – Сандра изо всех сил ударила его по плечу. – Для среднего вампира – так себе задачка.

– Вампира? – Бэла переводила взгляд с одного из них на другого.

Сашка понял его изумление: блондинистых вампиров не бывает. Хрен их знает, почему. Хотя на юге России и в Израиле живут несколько рыжеволосых кланов, которые очень пекутся о чистоте крови.

– Я наполовину, – пояснил Сашка. – Так-то менш, но у меня много типично вампирских фокусов получается. У меня мама из вампиров.

– А они разве... не иницируют? – Бэла как будто удивилась.

– Ты больше желтых газет читай, – хихикнула Сандра. – До двадцати процентов населения – неиницированные полукровки. А у всех остальных в каком-то поколении да затесались вампирские гены. Сколько у нас уже за межрасовые браки не преследуют, лет триста?

– Точно, обращать совсем не обязательно, – кивнул Сашка. – Это решают родители, когда разбираются, с какой родней ребенку будет удобнее расти: знаешь же, что вампир и человек долго жить вместе не могут... Когда вампир – мать, ребенка чаще всего иницируют. Просто в моем случае мама захотела уйти в монастырь почти сразу после моего рождения, так что решено было, что я останусь с папой. Но папу потом послали на каторгу, и я лет до десяти жил все-таки с материнской родней.

– А почему они тогда не?..

– Потому что только до года можно. Ну, и дальше, когда отец вышел и женился во второй раз, я своих вампирских родичей частенько навещал... – Сашка подкрутил колок, задумчиво провел смычком, прислушался и удовлетворенно кивнул. – Они меня научили всяким штукам. И с Сандрой мы там подружились.

– Ага, – кивнула Сандра, извлекая из скрипки длинный, ноющий звук. – Он был жутко несчастным ребенком! Ты же видела эти вампирятни: понятия о комфорте никакого... сквозняки, освещения ноль, чем они питаются – тоже знаешь... фу-у-у! – она сморщилась. – А мои родители тогда рядом жили с их замком, в деревне... ну, летом дачу снимали.

– Она меня подкармливала, – усмехнулся Сашка. – Отдавала мне свои конфеты, – ему удалось сыграть целую фразу, и он остался очень доволен собой.

– Половину, – хмыкнула Сандра. – Стала бы я отдавать все!

– Да и вообще, ты не ради любви к ближнему своему старалась: ты вербовала меня в сообщники, чтобы я помог тебе забраться в сокровищницу моей родни.

– Фу, как нехорошо с твоей стороны об этом вспоминать! – Сандра сморщила нос. – Как низко!

– Ты подорвала мою веру в человечество, и теперь вообще мне кругом должна, – парировал Сашка. – Ну что, «в лесу родилась елочка»?..

– Погодите, – сказала Бэла. – Я сейчас схожу в нашу каюту за тамбуринами. И еще у меня есть ноты пьесы Млацкого для скрипки и барабана, я думаю, ее можно на три партии разложить без особого труда...

Белка осторожно внесла в кают-компанию свои маленькие тамбурины. Пилот выглядела довольно потерянно, словно сомневалась, правильно ли поступила, заикнувшись о совместной музыке.

– Ставь сюда, – щедро предложила Санька, отодвигая в сторону стол и скидывая на пол подушку с дивана.

Белка с сомнением посмотрела на подушку, потом на диван, потом на Сандру, лицо которой прямо-таки светилось искренним предвкушением. Наконец, она, несколько нервничая, уселась на подушку, скрестив ноги, поставила перед собой тамбурины, вытащила откуда-то из-под шали палочки.

«Она будет играть на тамбуринах палочками!» – удивился Сашка.

Однако недоумение прояснилось: Бэла достала оттуда же, из складок шали, небольшую складную рамку и тарелочку. Подвешенная на рамке, тарелочка издавала тихое дребезжание.

– А саму рамку можно использовать, как треугольник, – сообразила Сандра. – Умно!

– Есть и портативные ударные установки, – сказала Белка отстраненным тоном; стеснения в нем, однако, уже не чувствовалось – точнее, чувствовалось, но не так сильно. Не стеснение, а некая сухость. – Но у меня такой нет. Млацкого, к сожалению, тоже. Забыла, наверное.

– Ничего, – сказала Сандра. – В этой книжице был Мартон, как раз очень хорошо подходит. Еще можно взять тот квартет, который я помню наизусть. Вам только надо будет подхватить.

– О нет, избавь меня бог от того, что ты помнишь наизусть! – Сашка поднял руки в защитном жесте. – Наверняка опять какая-нибудь жуткая головоломка. Да и Мартон, если подумать...

– Ну, хватит! – прикрикнула Сандра. – Этак мы и в самом деле договоримся до «В лесу родилась елочка».

– Давай «Турецкий марш»? – взмолился Сашка. – Ты же его начала.

– Это слишком легко, – непреклонно отозвалась Санька. – И не вздумай лениться!

С этими словами она протянула Бэле одну копию нот, с другой подседа ближе к Сашке. Они пристроили листки на стол между ними и почти одинаковыми движениями подняли инструменты к подбородкам.

Бэла посмотрела на них с некоторым сомнением, но ничего не сказала.

Это и впрямь был Мартон, *Bittersweet symphony*¹⁷. Сашка только не помнил: там должны были быть скрипка и альт, скрипка и виолончель или вовсе две скрипки? Ну ладно, в любом случае, решил Белобрысов, он более или менее справится, а если и возьмет пару-тройку фальшивых нот, так ничего страшного, все свои.

Первые ноты, низкие и протяжные, и впрямь принадлежали ему. Что ж, не так трудно, как показалось сначала. Потом ему помогла Сандра, включилась, и сразу стало легче – как глоток свежего воздуха. Белка послушно оттеняла их переключку барабанной дробью то тут, то там, но пока это не имело особого значения: так, разминка.

Играть в паре с Санькой всегда было сущим наслаждением: Сашка шел за ней, почти не глядя, полностью полагаясь на ее чуть более высокое мастерство и гораздо большую уверенность в своих силах. Когда же она покидала его, устремляясь вверх, он вполне уверенно держал партию, встречая ее ласково, когда она возвращалась – словно акробатический этюд, когда Сашка в роли нижнего гимнаста подбрасывал партнершу вверх (в реале он бы проделать этого не мог: Санька, скорее всего, весила немногим меньше него).

Теперь дело оставалось за барабанщицей: сможет ли она держаться с ними вровень? За взрывом первой трети пьесы успокаивалась: игру вела скрипка, альт ее поддерживал, а ударным оставалось только отбивать ритм. Если они не сорвутся с самого начала...

Они сорвались. Барабаны не вступили, какое-то время скрипка и альт продолжали вдвоем, но было совсем не то: мелодия потеряла половину прелести, утрачивая законченность и превращаясь из мощного и радостного отрывка в нечто куцее, даже одинокое: без ударных мелодия сразу же утратила большую часть энергии, став почти примитивной.

– Ну и чего? – спросил Сашка довольно сердито, глядя на Белку.

– Я не успела дочитать, – буркнула она довольно резко и повела плечами, скидывая шаль. Под шалью обнаружили белая футболка и темно-синие шорты.

– Ну, извините!

– Там легко, потом одна вариация все время повторяется, – сказала Сандра. – Теперь дочитала?

– Теперь да, – нейтральным тоном ответила Бэла. – Прошу прощения. Давайте сначала?

– Давай... – недовольно сказал Сашка. Ему казалось, что второй раз он точно не сможет повторить вступление, не сфальшивив – кажется, первый раз ему удалось только чудом. Однако чудо повторилось: ноты пошли ровно, гладко, словно упали на уже проторенные рельсы, как эфирный поезд; фарватер был знаком. Низкие, саркастические ноты заскользили ровно и плавно, потом в него влилась новая струя – Санька, – и в нужном месте так прервались дробью радостных ударов. Сашка чуть было не сбился: это было неожиданно. У девчонки оказалась твердая рука и та самая сумасшедшая страсть, которая отличает барабанщиков и скрипачей – но в барабанщиках она сочетается, вдобавок, с настоящим безумием. А что вы хотите от людей, которые целыми днями только и делают, что колотят по всему палками. Безумный удар, дробь... второй удар... *helvete*, как говорит Санька, а ведь пошло! Пошло! Хотя и странно звучат глухие удары тамбурина там, где должен быть барабан, но уж ладно.

Они повторили первую вариацию несколько раз, потом Сандра разразилась вдохновенным пассажем, из-за которого Сашка потерял нить беседы, а Бэла так увлеклась, что упустила ритм – но начало, тем не менее, было положено.

Сашка взял особенно неловкую, сомнительную, скособоченную ноту, и так она жалко прозвучала во внезапно наступившей тишине, что все трое просто не могли не расхохотаться.

– Чудно! – сказала Сандра с удовольствием. – Совместная игра – лучшее средство для сплочения команды! Еще, конечно, помогает секс, но это трудновато, когда речь идет о боль-

¹⁷ Речь идет о пьесе *Tosca Fantasy* Э.Мартона 2001 г., несколько переделанной для других инструментов.

шой компании... – на этом месте Сашка фыркнул, опознав давний прикол: «Чтобы пилота потом не поймел капитан, ему лучше поймать штурмана еще на трапе».

Бэла покосилась на Сандру с такой опаской, что Сашка не мог не расхохотаться снова.

Глава 5, в которой капитана похищают, а штурман пускает пузыри

Три с половиной недели вояжа – совсем малый срок. Но уже через пару дней, как только стих ажиотаж после появления домового, а расписание дежурств на камбузе перестало вызывать жаркие споры (Сашка, вопреки воле капитана, хотел избавить Саньку от большинства обязанностей не по судовой роли: мол, пусть он лучше пожертвует частью отдыха, чем будет есть *это*), на корабле установилась размеренная рутина вахт, сна, приемов пищи и посиделок в кают-компании. На последних старшие члены экипажа – капитан и суперкарго – когда появлялись, а когда и нет. Они не то чтобы игнорировали более молодых и менее опытных, но дистанция возникла сама собой, и обе стороны, кажется, были ею вполне довольны. Княгиня как-то раз принесла свою арфу и присоединилась к Сашкиному с Сандрой дуэту, предложив исполнить божественно прекрасную «Арию» Баха – мол, это единственное, что она помнит хорошо и за что ручается. Бэла оказалась исключена из трио по вполне естественным причинам, Сашка чуть было не дезертировал, но в последний момент укрепился духом.

Вместе струнные звучали приятно, но Княгиня играла с таким мастерством, которого часто достигают методичные вампиры-любители на шестом-седьмом десятке лет. Двое юных меньшей, особенно Сашка, не дотягивали до нее по технике, а манеры слишком уж отличались: даже музыка Княгини казалась сухой и белой.

Свободное время Балл предпочитала проводить отнюдь не за трепом с молодежью. Пару раз Сашка вынужден был зайти в капитанскую каюту – естественно, по приглашению – и оба раза заставлял капитана за чтением. В первый раз он пришел за справочником Марджа – подробными логиями системы, в которой Халифат кружился четвертой планетой. Второй раз – за письменным разрешением проведения санобработки на третьей палубе: домовый обнаружил сверчка, целого одного.

Из-за условного пассажира-паникера экипаж, включая Берг, ползал по подпалубному пространству – среди балласта, в полутьме. Сложил ли свои лапки героический сверчок в борьбе с санькиной патентованной отравой – вопрос остался открытым, а вот штурман получил по полной: два синяка и шишка на лбу. Идти к Балл, исполнявшей заодно обязанности судового лекаря, с такими пустяками он, естественно, даже не подумал.

Берг проводила корабельные будни еще интереснее шкипера: безукоризненным почерком (магическая печать недоступна!) заполняла толстенные талмуды журналов, со стальным лязганьем крутила ручки арифмометра, убористым шрифтом покрывала листы бесконечными расчетами непонятно чего...

Зато Абордаж, черный и надменный, неизменно приходил слушать людские разговоры и угоститься молоком. Однажды он даже удостоил особо пронзительную ноту своим басовитым и сочным аккомпанементом – точно в соответствии с правилами гармонии.

Васька Христофоров, не считая случая со сверчком, сидел ниже воды, тише травы. В кают-компании не появлялся (что естественно для домового), но его и вообще по помещениям не видели. Только Сандра, посмеиваясь, рассказывала о булькающих звуках, долетавших порой из-за переборки. Так что на долю Сашки выпало общение с кормчим и пилотом. То есть это Сандра активно общалась с Сашкой и с Белкой, иной раз подавая реплики за них тоже, вытягивала на совместные сыгровки и всячески тормозила.

Бэла больше отмалчивалась по углам, но первая опасливая настороженность пропала. А шарахаться штурмана она перестала сразу же после взлета. Сандра учила ее умеренным скандинавским ругательствам и, кажется, наука шла впрок.

Три с половиной недели – это очень мало. Только втянулся, только привык, только чуть узнал окружающих тебя людей, заново разобрался-разучил аккорды – и на тебе: посадка на носу.

Посадка! Каждое плавание имеет начало, и каждое успешное плавание имеет конец. Сколько неудачников осталось бесконечно дрейфовать с разбитыми кристаллами и обломанными мачтами в полутьме эфира? После того, как жизни экипажа перестали зависеть от груза сухого льда – черный плющ с избытком добывает кислород из сухого воздуха кают и трюмов в обмен на небольшую долю света, – автономность плавания стала вопросом лишь запасов воды и пищи. Возможно, некоторые из затерявшихся еще живы, – те, кто вытянули билет в один конец в бесконечной череде эфирных течений и ветров. Но не будем о грустном – их путешествие окончилось. Если немного повезет, скоро они будут на планете, *safe ashore*¹⁸. До следующего раза.

Бригантина уцепилась за неяркую желтую точку у предпоследнего чек-пойнта и уверенно побежала к последней: тусклой от расстояния желтой звезде, баюкающей теплый и мягкий, такой необычный и обыкновенный мир. Очередной мир людей.

* * *

Запах свежескошенной луговой травы и чабреца ласково взял Сашку за щеки, поманил едва заметной ноткой розмарина и намекнул на свежее мясо, жарящееся совсем неподалеку. Вон за тем поворотом. Или вон за этим...

Белобрысов отвел глаза: не с его топографическим кретинизмом пытаться проложить курс в этом скоплении домишек и домиков, что лепились друг к другу так, словно отчаянно мерзли или тянулись к свету. Зачем они это делали, Сашка не понимал, хоть убейте: на Аль-Кариме, в благословенном городе Эль-Бахр-эль-Ахмар, было солнечно и жарко. И очень влажно: в воздухе висел влажный туман, вода от недавнего ливня все еще капала из причудливых водосточных труб с раструбами в виде демонических пастей, вспыхивала радугой то тут, то там, обдавала влажным блеском булыжник.

Еще в Эль-Бахр было изобильно. Вдоль каждой улицы здесь торговали чем угодно, от связок огненно-красных стручков, похожих на барбарис по виду и вкусу (на самом деле животного происхождения), до девушек в жены. Последние распродажи происходили возле нотариальных контор и несли на себе налет провинциальной респектабельности.

– Боги мои, ну и порядочки! – пробормотал Сашка, еле отбившись от сильно размалеванного паренька в обтягивающей жилетке и прозрачных шароварах, – похоже, в этом случае речь шла не только о бизнесе, но и о личных предпочтениях.

– Штурман, вы же бывали во внеземных портах, – усмехнулась Балл, которая следовала на несколько шагов позади – Сашке приходилось все время глупейшим образом оглядываться через плечо, чтобы ее не потерять.

– Да чего там во внеземных – по окраине русских колоний гоняли, и все... – буркнул Сашка, которому стыдно было признаваться, что за шесть лет он и впрямь только однажды побывал в порту действительно дальнего эфира. Да и то во время его ходки на «Дженнифер», когда они везли груз пеньки и смолы на регульский Чарнинг.

Как Балл среагировала на его замечание, Сашка не понял. Она ничего не сказала, а лицо ее закрывала плотная черная сетка. Сетка крепилась к закрывавшему голову и плечи платку-накидке, в данном случае ярко-алой, чтобы показать капитанский статус. Накидка называлась «чаршаф», а сетка – «чадра», если Сашка ничего не путал¹⁹. Все прочие части тела Балл закры-

¹⁸ В безопасности на берегу.

¹⁹ Сашка путает. Накидка действительно называется «чаршаф» (турецкий род чадры), а вот сама вуаль называется «пече».

вал длинный черный балахон, строго по местной моде – так или почти так одевались все встречные особы женского пола. Местная мода Сашку не вдохновляла.

– Куда теперь? – спросил Сашка.

– У укротителя джанзиров направо.

Кто такие «джанзиры», Сашка не знал, но решил, что так могут называться здоровенные зубастые гусеницы, которым кишмя кишела стоявшая у ног толстенького мрачного усача корзина, и оказался прав – Балл его не одернула.

«Чертовы лицемерные святоши, – корил Сашка за свои неудачи основателей планеты. – Всегда я говорил, что от религии сплошные проблемы».

Его еще несколько раз дернули за полы плаща (Сашка носил плащ, который, опять же по местным понятиям, полагался «передним мужчинам»), один раз привязался какой-то бритоголовый тип в желтом. Он шел следом несколько метров, чем-то визгливо возмущаясь. Пару раз на ломаном английском предложили купить последовательно вяленой рыбы, беруши и средство от запора. Однажды Сашка чуть было не потерял дорогу, засмотревшись на узорную башенку особенно изящного минарета, украшенную шестиугольными зелеными камнями. Однако вскоре они все-таки оказались у конечного пункта их маршрута: неказистого домика западной архитектуры, пугающе сильно вросшего в землю – входная дверь находилась на несколько ступенек ниже уровня почвы. Вряд ли это так задумывалось, хотя бездна их знает...

– Постойте тут, – сказала Балл. – Возможно, придется подождать около часа или даже больше. Можете отойти в тень.

– Да, капитан, – сказал Сашка, однако, движимый любопытством и проверяя границы отличия флотской дисциплины от торговой, спросил Балл: – А разве я не должен поздороваться с ними и официально вас представить?

Он как-то не думал, что роль «переднего мужчины» ограничится только сопровождением по улице.

– В обычных обстоятельствах – да, – ответила Балл, и на сей раз Сашка не сомневался, что под чадрой она улыбается. – Однако эти господа уже прекрасно меня знают. Если вы представите меня, это будет означать, что вы представитесь сами. А я обещала не знакомить вас со *спецификой*.

– Что же мне делать? – спросил Сашка, прежде чем успел прикусить язык.

– Купите медовый пряник, – посоветовала Княгиня. – Называется «пахлава». И воды у разносчика.

С этими словами она нырнула в тень портика (ей пришлось пригнуться) и была такова.

Сашка последовал указаниям капитана: у торговца на углу приобрел пряник, но водой пренебрег – пить ему не хотелось. Как выяснилось уже после второго укуса, Княгиня дала крайне ценный совет. Пришлось Сашке изменить свое мнение и напиться из ближайшего уличного фонтанчика.

Сделав это, штурман понял, что указания шкипера даже на берегу нужно исполнять буквально: вода в фонтанчике оказалась подкрашена какой-то специфической местной магией. Он не учуял ее, пока не выпил.

«Ну и ладно, – философски подумал Сашка, отрывивая гроздь разноцветных мыльных пузырей, которые задумчиво полетели к конькам крыш, – хоть развлечение».

По его подсчетам, развлечения хватило на полтора часа: все это время Сашка стоически игнорировал хихикающих зевак, благо их тут, на улице, оказалось не так уж много.

Потом пузыри наконец-то иссякли, купленная у разносчика берестяная емкость с водой тоже подошла к концу, и Сашка крепко задумался, как ему быть. Из домика никто так и не вышел, и ему только и оставалось, что ждать с нарастающим беспокойством.

На исходе второго часа, когда тени на улице порядочно сдвинулись, а в доме напротив унылый седобородый человечек распахнул и начал мыть узкое окно с синеватыми стеклами, Сашка не выдержал и вышел на связь с кораблем.

Такие штуки – развлечение не для слабаков, но Сашке с детства удавались фокусы, для которых многим другим требовалось напрячься: тетя Галя не раз говорила ему в сердцах, что не будь он таким ленивым, давно уже стал бы архимагом. Сашка же полагал свои таланты как раз счастливым подарком, позволяющим не тратить силы на то, что другим приходится учить тяжелым трудом. Вот и сейчас: он никогда не мог усовершенствовать связь разумов до того, чтобы соединяться с кем угодно и когда угодно, но вполне превзошел ее в тех пределах, чтобы сейчас вызвать Саньку по корабельной трансляции, только коснувшись двумя пальцами хрустальной серьги.

– Златовласка, чего стучишься? – поприветствовала его Санька. – Развлекаешься?

– Никак нет, душа моя, – ответил Сашка. – Я, представляешь, капитана потерял.

– Да ну! – восхитилась Санька и, пользуясь тем, что она явно все еще была на корабле одна, добавила: – А может, ты просто ее в какой-нибудь бордель здесь продал?..

– Скорее, она меня продаст, – заметил Сашка. – Тут всегда так к блондинам пристают?

– Полагаю, да, ко всем двухметровым голубоглазым блондинам с размахом плеч в семьдесят се-ме, – согласилась Сандра. – Ты серьезно насчет шкипера?

– Да уж куда серьезнее! Она тут меня оставила ее дожидаться у ворот, а сама слиняла. Уже третий час стою.

– Белобрыскин, Княгиня просто так не скажет. Если велела дожидаться – значит, жди хоть до полуночи. Или ты про флотскую субординацию забыл? – последнее уже прозвучало с подковыркой.

– Даже у флотской субординации есть свои границы, кормчий Куликова, – ответил Санька не настолько официальным тоном, чтобы обидеть, но и напоминая, что вообще-то по должности он выше. – Принимаю решение разведать, что с капитаном, – и снова неформально: – Ну, в крайнем случае вытолкают меня как идиота!

– Хорошо себя оценил, – засмеялась Сандра. – Главное, правильно! – и отключилась.

Через несколько минут Сашка почувствовал, что Сандра была кругом права насчет самооценки, и что сам он ляпнул тоже вполне к месту.

Внутри вросшего в землю домика Сашка обнаружил самую обыкновенную контору. Она почти не отличалась от любой конторы в ОРК. Разве что секретаршами тут были не нагловатые скучающие девочки в коротких юбках, а скучающие особы неопределенного возраста в непрозрачных паранджах и чаршафах. Тоже нагловатые, что лишний раз показывает: не паранджа прививает женщине скромность.

Нет, никто здесь не видел даму в красной накидке... То есть да, видели: она пила воду из кулера и, кажется, спросила у кого-то дорогу... Фарид, дорогой, не у тебя?.. Как будто у меня есть дело до всяких там женщин, Махмуд, сын шайтана, когда у меня горит квартальный бюджет на весь отдел, а тут еще «Скорпион» не прибыл вовремя, чтобы всем им в порту окаться рогносцами!

Контора, как понял Сашка, была торговым агентством, обслуживала суда. Не пиратов и не каперов: Сашка, оказывается, знал названия многих клиентов. Капитаны – даже кораблей военного флота – всегда стараются позаботиться о том, чтобы в порту у них имелся свой агент, который сбывал бы для них груз, даже вполне легальный, по более выгодным ценам и легче бы проводил его через таможеню. Именно эту роль и выполняла фирма «Аль-Ширвани и сыновья». То есть в том, почему Княгиня пришла сюда, никакой загадки не было. Но вот куда она потом подевалась?..

Сашка не говорил на фарси, но народ кругом изъяснялся на причудливой смеси фарси и арабского, а арабский Сашка немного понимал. Нельзя с молодых ногтей шляться по инопланетным портам и не уметь объясняться на основных земных языках (кстати, местный люд ругался по-голландски и по-русски – очевидно, полагая это менее неприличным). То, что ему удавалось разобрать, подтверждало правдивость служащих. Княгиня была тут, а потом куда-то вышла.

Да, благородный иноземец, у нас имеется задний двор, Махмуд будет очень рад вам его показать... Что значит «не рад»; Махмуд, ослиный член, шевели задницей – ты только и делаешь, что штаны протираешь! Но оттуда никуда не пройти, вы сейчас сами убедитесь.

Действительно, никуда не пройти: унылый пятачок, заваленный пустыми коробками и огороженный стеной. Может быть, Княгиню с крыши на ковре-самолете увезли?.. Крыша, вроде, плоская, а ковры стартуют бесшумно...

Сашка вернулся на пятачок у входа, который уже начал считать своим, уныло оглянулся и, сунув руки в карманы, побрел вдоль улицы. Время от времени он горестно и очень натурально вздыхал.

Дойдя до угла, Сашка снова вызвал Саньку.

– Ну что, Княже задала тебе атата? – полюбопытствовала кормчий без особого злорадства.

– You fucked up²⁰, – беззлобно отозвался Сашка. – Нет там Княгини. Давай-ка чек-ап этого здания, чур вместе.

Управление кораблем, идущим по воле ветров и течений (корабельные кристаллы – в лучшем случае страховка против воли буйного эфира), всегда требовало множества везения и немножко – пророчеств. «Индекс удачи», с тех пор, как Ла Вуазье научился замерять его хотя бы с двадцатипроцентной погрешностью, стал проставляться напротив фамилии каждого офицера во флотских списках. А без умения предсказывать будущее просто нельзя получить сколько-нибудь приличное назначение.

Сашку и тут спасал от врожденной лени врожденный же талант: ему сразу легко давалось провидение в эфирном пространстве. Кассандра же развивала в себе провидческие способности со всей страстью еще в школе – для определенных целей. И добилась значительных успехов, большинство из которых не позаботилась довести до сведения сперва инструкторов в своем Торговом Училище, а потом и начальства.

Пожалуй, теперь на всей Земле и во всем эфире, Ближнем и Открытом, только Сашка знал, насколько Сандра хороша.

– Что за здание? – деловито спросила Сандра, сразу поняв по его серьезному тону, что теперь от него не отлепишься.

Сашка сосредоточился и представил вдавленный в землю домик во всей красе: с его длинными, похожими на бойницы окнами и выкрашенной в синий цвет крышей с трогательными узорами под карнизом.

Санька фыркнула.

– Чего так?

– Да там наверху у него арабской вязью всякое неприличное написано.

– Что, правда? – спросил Сашка, и ему как-то по-новому увиделись красиво разрисованные стены домов, мимо которых они шли. Не может быть, и прямо на главных улицах...

– Нет, – сжалилась Сандра, – молитва обережная. Так, ну давай посмотрим, что у нас там...

В четыре руки они зашарили по местной ноосфере – той части эфира, куда можно было проникнуть «голым» сознанием. Сашка служил проводником, поэтому не мог точно сказать,

²⁰ Нецензурный вариант «ты ошиблась» (англ.)

что именно они нашли или не нашли. Разум Сандры, как всегда, был слишком резким для него, слишком пронзительным. Провидение Сашки действовало лучше, но давало значительно меньше деталей. Такова судьба любого, чей инструмент играет по басовому ключу.

– Так, ну вот, все ясно, – заметила Сандра, ослабив контакт: в физическом мире это выглядело бы так, как если бы она после акробатического этюда спрыгнула с Сашкиных плеч и осталась стоять на манеже, касаясь ладонями его предплечий. – Это работорговцы.

– Кто? – переспросил Сашка, потемнев лицом.

– Работорговцы, – ответила Санька с выверенным безразличием, за которым скрывалась глубочайшая брезгливость. – Знаю я эту картину. Десятки жизней в одну точку, чтобы потом эти Kuksugere²¹ наvertsели на них всякого дерьма... Pule!²² Хотела бы я знать, что за игры с ними шкипер устраивает...

– Это не наше дело, – оборвал ее Сашка таким жестким тоном, что Санька даже заткнулась на полуслове. – Лучше скажи мне, где капитан Балл?

– Где-где... похоже, ее куда-то повели против ее воли. На ковре-самолете, как ты и полагал. Ну, так выходит... да сам посмотри, у нее линия жизни чистая-чистая, лазурная.

Сашке сейчас дела не было ни до какой лазури, и он довольно резко принялся выпрашивать Саньку, куда да как повели, да каким путем. Наконец, узнав все, что хотел, Сашка свернул и сунул под мышку плащ «переднего» (узоры делали его особенно заметным в толпе без идущей сзади женщины). Фланирующей походкой эфирника на отдыхе он зашагал живописно искривленными улочками в сторону Рынка Аль-Хазара.

...Удача была к нему благосклонной. Если совсем по совести – то не удача, а умение заглядывать Судьбе под юбку, но не будем слишком придираться. Он нашел не только здание, где находилась Княгиня (в этом ему помогла Сандра), но и место, куда более ценное для его планов: широкий шатер, расшитый астрологическими знаками. Там играли в кости по-крупному.

Голубые глаза, светлые волосы и общая наивность Сашки надежно выдавали в нем чужеземца, а характерная походка – звездоплывателя, привыкшего к постоянной качке эфирных течений. Поэтому его приняли за маленьким столиком в углу как желанного гостя и наперебой принялись объяснять правила игры. Сашка потел, от влажности задышался, но слушал внимательно.

Возможно, именно эта внимательность позволила ему через час с лишним уйти от ничего не понимающих местных ценителей азарта с мешочком золота. А может быть, причиной послужил врожденный талант или просьба Саньке «постоять на стреме» – она еще лучше Сашки умела обстряпывать такие дела. Например, Сандра сдавала зачеты по комбинаторике элементарно: будучи человеком относительно правдивым, она всегда, глядя в глаза экзаменатору, честно признавалась, что именно собирается вытащить. И вытаскивала.

Ему повезло – по окончании Княгиня еще находилась все там же: в крытом длинном здании, отведенном для продажи рабов. Ее даже еще не продали.

В рабском павильоне было суше, чем на улице: специальные заклинания отгоняли влагу. Вдоль длинных стен выстроились помосты и стенды, возле которых стояли надсмотрщики и рабы (последние чаще всего одеты куда лучше, чем первые), иногда группками, иногда поодиночке. Стенды украшали фантагравюры, изображавшие либо счастливых рабов со своими владельцами и владельцев, жмущих руку посредникам-торговцам, либо только рабов в ситуациях, призванных наилучшим образом продемонстрировать их достоинства: домохозяйка – у печи, телохранитель – с мечом и луком, молодая одалиска... Но Сашка быстро отвел взгляд от стенда с молодыми одалисками, чтобы не отвлекаться.

²¹ Намек на излюбленный род сексуального контакта работорговцев (норв.)

²² Нецензурное восклицание, выражающее образное желание иметь с кем-то сексуальный контакт (норв.)

Некоторые торговцы, выглядевшие особенно голодно, не гнушались зазывать:

– А вот секретарша, кому симпатичная секретарша! Знает три языка, каллиграфический почерк, пэри с кофеваркой!

– ...проектный планировщик, берите трехгодичный контракт проектного планировщика: умен, креативен, лоялен, работает допоздна, женат на рабыне-кухарке...

Княгиню продавали отдельно, за сиреновой ширмой, отгораживающей дальний угол помещения. Какой-то малый с мечом попытался Сашку не пустить, но профессионалом он был не ахти: Сашка легко оттер того плечом.

За занавеской сидели трое: двое господ европейского вида в строгих серых пиджаках и, собственно, Княгиня. Со своим черным балахоном она уже успела проститься и осталась в наряде, в котором обычно ходила на борту корабля: светлые брюки (ремень на месте, но кинжала на поясе нет) и снежно-белая рубашка с расстегнутым воротом.

Руки у Княгини были не связаны, сидела она в свободной позе и оглядывала двоих мужчин ничего не выражающими глазами.

– Здрасьте, – сказал Сашка. – Я тут услышал, у вас редкая дама есть. Вампирка, да еще немолодая, да еще с Земли... не продадите?

Мужчины переглянулись.

– Феррет, кто его сюда пустил? – сухим, бесстрастным голосом спросил один. – Что это за клоун? – голос его был направлен за занавеску (по всей видимости, к охраннику), но ответил его визави.

– Я надеюсь, вы понимаете, – чопорно произнес он, – что с нашей стороны утечки быть не могло.

– Да вы о чем! – воскликнул Сашка. – Какая утечка, господа! Я молился на алтаре госпожи Лады. Она сказала мне, где моя судьба! Продайте, а?.. Я хорошо заплачу.

– Прошу прощения, господин, я подумал, что убивать его пока не за что, – пробасил охранник из-за занавески.

– Меня очень интересует, почему ты не смог не впустить его, не убивая, – покачал головой первый и снова спросил у Сашки: – При чем тут Лада, молодой человек, какая судьба?.. Разве не понимаете, что так дела не делаются? Редкая наемница уже сговорена по контракту моему уважаемому партнеру. Вы, конечно, можете выкупить ее контракт, но разговаривать нужно уже не со мной, а с ним.

Сашка с честным выражением лица развернулся ко второму господину, в душе сильно недоумевая, отчего Княгиня не вскочит и не покажет им всем, с какой стороны у корабля киль. Потому что нельзя даже и предположить, что капитан эфирной бригадины (к тому же явственно боевой капитан) не справится с двумя штафирками! Предположим, она еще сомневалась, пока была одна; но теперь-то, когда появился Сашка...

Впрочем, может быть, еще не все потеряно, и ее удастся просто выкупить без лишнего шума? Зря, что ли, старался, столько денег выигрывал.

Вдруг по другую сторону сиреновой ширмы закричали:

– Шулер! Ловите шулера!

Потом еще больше шума, и чей-то отчаянный фальцет:

– Во имя всех богов, не допустим непотребства! Шайтан с волосами цвета ослиной мочи украл наши деньги!

Господа в костюмах переглянулись, Феррет снаружи раздернул занавеску, намереваясь, очевидно, хватать и вязать Сашку – все это происходило очень медленно, даже лениво. Не из-за Сашкиных нервов: просто кто-то сильной рукой растянул его время. И на этой тонкой струне резкий голос Княгини сыграл:

«Единственный выход – магия крови, штурман. Иначе никак».

«Что!» – ошалел Сашка: не столько от того, что шкипер вышла на его прямой канал, сколько от смысла ее слов.

«Меня повязал старший вампир. Я вам даже приказ отдать не могу. Что вам еще неясно!»

«Все!», – хотел ответить Сашка, но вместо этого прыгнул к Княгине, наплевав на то, что Феррет может выпустить по нему заклятье-другое, и сшиб ее со стула. Вдвоем с капитаном они покатались по полу, и Сашке таки удалось сделать то, чего дед велел ему никогда в жизни не делать: вонзить клыки в чужую шею. Более того, в вампирскую.

А не делать дед этого советовал по одной-единственной причине: «Ты, парень, слишком легковесный – и второго не удержишь, и себя погубишь».

Глава 6, в которой говорится о сбруе, но ни словом не упоминаются лошади

«Все эти ритуалы придуманы только для одного, – думала Бэла, наблюдая за неподвижно замершим в углу паутины черным пауком с узором из крестов на спине. – Свести с ума как можно больше честных эфирников. Какой в них смысл? Какое высшее предназначение может объяснить эти бесконечные очереди, эти повторяющиеся штампы на разноцветных бумажках? Те, кому действительно есть что скрывать, все равно обходят их без малейшего труда!»

Среди своего народа Белка казалась чужой еще и по этой причине: она имела свойство впадать в мысли.

Однако по неопытности и крайней молодости Бэла не додумывала свои мысли до конца: все танцы с бумажками и придуманы как раз для того, чтобы создать как можно большее число лазеек для людей, знающих, где, как и почему. И при этом сохранить видимый декорум. На ее глазах Людоедка прекрасно демонстрировала высокое искусство проникновения без мыла – увы, втуне. Ценителей не нашлось.

Взятки Людоедки были столь тщательно выверены и столь отлажены, что они даже не походили на взятки. С санитарным контролем она просто обменялась парой шуточек и намекнула на какую-то Козлоногую Мэри, после чего, под общий смех трех клерков, документ был подписан. Очередь в таможенный контроль Берг миновала с каменной физиономией, будто так и надо, а офицеру в кабинете без лишних слов, но как будто делая ему одолжение, сунула толстый конверт, после чего все было улажено очень быстро. Очередь к противопожарному инспектору Людоедка, наоборот, покорно отстояла. Это заняло несколько часов, в течение которых Бэла познакомилась с характерными приемами ухаживания Аль-Карима теснее, чем ей хотелось бы. Здесь нормы были иные – чтобы отпугнуть потенциальных поклонников, следовало не кутаться, как она, а, напротив, разоблачаться. Тогда сочли бы нескромной и опасной.

В кабинете пожарного инспектора Берг вела себя льстиво и даже сама напросилась на штраф, сославшись на отсутствие в двигательном отсеке «Блика» специальных разбрызгивателей. Произнесла она и еще несколько фраз – если не магических, то, очевидно, ритуальных, потому что положенного досмотра на борту так и не состоялось.

И, наконец, они отправились сюда, в дальний конец погрузочного дока, где вот уже битый час Бэла наблюдала этого чертового паука и сторожила никому не нужную пустую тачку, пока Людоедка спокойно дремала, присев на забытую и проросшую мелкой зеленой травкой поленницу.

«И зачем она потащила меня с собой? – тоскливо думала Белка. – А, вот попалась бабочка, сейчас паук ее сожрет. Ведь толку от меня никакого. Взяла бы Куликову, она хотя бы уже возила контрабанду. Или штурмана... Нет, его забрала капитан. А я даже никакой секретный груз не поднимаю, если только это не бриллианты и не тайные документы. На что шансов мало, откровенно говоря».

Пока она думала, бабочка извернулась в паутине, поймала подкравшегося паука и высосала его досуха, после чего подожрала остатки паутины и улетела. Бэла, однако, этого уже не видела, занятая невеселыми думами.

Особенно обидно торчать в трюме, когда совсем неподалеку был корабль, с ее каютой и книгами. Еще неподалеку завлекательно шумел толпой выход в город, но он привлекал Белку куда меньше. Все равно здесь нет лесов... А в порту зато водится много мышей. И крыс. И прочей звериной мелочи.

Но нет, никаких крыс и мышей, столь приятных после *неживой* корабельной пищи – сиди и изображай из себя статиста в отыгрыше приключенческой пьесы.

Наконец, ожидание завершилось: о чем-то весело переговариваясь между собой на местном наречии, из дальнего входа появились двое высоких смуглых людей с тележками. С ними же шел таможенник в форме цвета морской волны с серебром, молодой и белозубый. Бэла узнала его: они уже видели его в приемной, но там он держался высокомерно.

Теперь же таможенник обменялся с Людоедкой добродушными приветствиями, потом скомандовал парням с тележкой, и те сноровисто перегрузили несколько свертков на небольшую тачку, которую Людоедка прихватила с собой.

Парни эти откровенно пилились на Белку, а один даже отпустил какой-то длинный, пространственный комментарий.

– Он говорит, что ты истекаешь молоком и медом, и он ввел бы тебя в волшебный сад, – сказал молодой таможенник, глядя с жарким, тягучим намеком.

Бэла подумала: «Мои предки ели таких, как ты, на завтрак», но вслух не сказала ничего, только сильнее закуталась в шаль и посмотрела на мужчин так, что их улыбки сразу превратились в нечто совершенно противоположное.

Казначей попрощалась с ними и лихо покатила тачку к водному споту «Блика». Оттуда завтра, перед стартом, бригантину отведут в ствол.

– Зачем вы брали меня с собой? – спросила Бэла. – Зачем я вам нужна?

– Сразу быка за рога, да, деточка? – усмехнулась Берг. «Деточка» у нее звучало так, что вы бы никогда не захотели услышать это снова. – Вопрос этикета. Хаджа Нафар, этот юный нахал, был не один, поэтому и я не могла прийти одна – престиж, что делать. Где как, ты еще узнаешь. На Гамбеде вот, наоборот, принято встречаться тет-а-тет в таких вопросах, а здесь короля делает свита.

– То есть вам нужен был кто угодно? – спросила Белка.

– Нет, портовый бомж не подошел бы, – неприятно хохотнула Людоедка. – Он неаппетитен. Тут так, знаешь: надо уважать партнера. Наше дело такое, без партнеров не выедешь. Если я сегодня привела на встречу хорошенькую девочку с умным недобрым взглядом – все будут знать, что у бедной старой Берг подрастает смена. А здесь, на Аль-Кариме, смена – это все. Они существа семейственные.

Бэла передернула плечами: ей было странно, что кто-то может счесть ее возможной приемницей Берг. Сандра была бы куда лучше в этом качестве, но кормчий с утра занималась калибровкой кристаллов, которые сбились всю последнюю неделю пути. И, кроме того, ни Бэла, ни Берг не могли держать связь с Белобрысовым и капитаном, а значит, Сандре, как передаточному звену, волей-неволей приходилось торчать на бригантине.

Когда Берг и Бэла со своей тачкой (пилот так и не спросила, что в мешках) вернулись к кораблю, Сандра встретила их сенсационной новостью: с Княгиней что-то случилось, и штурман полез ее спасать.

– А, – прокомментировала Берг, совершенно не впечатленная. – Ну-ну. Мальчишка получит по носу – пойдет ему на пользу.

– Так вы знаете, что за дела у Марины Федоровны в Эль-Бахре? – спросила Сандра, которая робела перед Берг куда меньше Бэлы.

– Понятия не имею, – пожала плечами Людоедка. – Да только Княгиня – это вам Княгиня, а не кто-нибудь.

Сказав сию загадочную фразу, Людоедка отправилась на ют точить меч (мол, пока можно посидеть на палубе на солнце, надо этим пользоваться). Сандра не отстала, пошла за ней – расспрашивать. И неизвестно, что рассказала бы ей Берг или куда она послала бы корабельного кормчего, но тут как раз вернулись Сашка и Княгиня.

И, что самое странное, Сашка нес капитана на руках.

* * *

...Первый глоток: сперва ничего особенного, просто солоно, а потом разом. Звенит струнной арфы, тянет железом по венам, улыбается шальным ветром в волосах. Кто на новенького?.. Сладкая истома, слаще любви, первостепенней зова природы, неги, лень и сокрушающая готовность действовать – как сон в первую пору юности, нет, детства – до того, как был рожден. Второе рождение. Да, точно, так называл это дядя.

И потом сразу: иное, без названия. Но ничего хуже не было и не будет на белом свете.

Его мяло и крутило, бросало и толкало, а потом, обессиленного, выкинуло из океана невыносимой боли – чтобы снова швырнуть в безжалостные волны, которые обдирали тело наждаком и прижигали нервы каленым железом. Чужая боль, не своя, но от этого она не становилась меньше. Именно это имел в виду дядя, говоря, что он не удержит: нельзя накинута вторую узду, можно лишь перетянуть старую. Тогда ты рвешь ее по живому. А значит, принимаешь боль на себя.

Вампиры, как известно, флегматичнее, спокойнее, лучше контролируют свои чувства. У них выше скорость реакции, они взрослеют медленно, а стареют скачкообразно. Они способны к деторождению только несколько лет в течение всей жизни, они меньше склонны изобретать, чем менши, больше склонны подчиняться. А еще они намного, намного крепче физически, какими бы тощими и бледными ни выглядели. Не всякий вампир выдержит накинута узду на другого, если тот, второй, сопротивляется; не так-то просто стать Старшим. Но снять уже наложенную узду и переменить ее на себя – это едва ли кому под силу. И уж подавно, не молодому меншу без выдающихся магических знаний.

«Преступный приказ», – так мог бы подумать Сашка. Но думать он не мог; поэтому эта мысль от него сбежала, равно как и другая – в узде Княгиня, несмотря на свою капитанскую власть, не могла бы ему приказать освободить ее. Она так и сказала. «Я даже приказать тебе не могу». Значит, это он сам. Некого винить, кроме себя.

– Очнулся, штурман? – первое, что Сашка услышал такого, что не было его бредом и невнятными голосами, шептавшими странное.

Перед глазами все плыло, линии искажались, звуки долетали тихие, отстраненные. Отгороженная ширмой комната, в которую он ввалился минутой (секундой, часом?!) ранее, разительно переменилась: обломки мебели, кроваво-красные пятна по стенам. Окровавленные тела, валявшиеся в живописных позах, смотрелись настоящим натюрмортом, но Сашка решил, что, пожалуй, это все-таки слишком наглядная этимологическая иллюстрация. Сознание то прояснялось, позволяя рассмотреть очередной милый элемент интерьера, вроде немалых размеров кинжала, ушедшего по гарду в потолок, то проваливалось в восхитительный мутный туман, наполненный перестуком сердец поверженных... врагов? Жертв?

– Надо уходить, Белобрысов. Давайте. Помогите мне встать, – голос Княгини звучал спокойно, но прерывался от чего-то. Откуда это болезненное нетерпение?.. – Я сказала «помогите встать», а не «упадите рядом»!

Да, ключевое слово: болезненное. Ей же больно, очень больно... Откуда?.. Неужели он ее так сильно укусил?

– Так, хорошо, выпрямитесь. Подержитесь за стену, придите в себя. Сейчас голова должна перестать кружиться. Хотя бы немного. Ну, дайте же мне руку. Так лучше?

Действительно, перед глазами чуть прояснилось. Стало ясно, что действительно надо уходить, причем на корабль, а то скоро сюда придет... кто?.. Кто-то.

Интересно, а как он выжил? По всем законам, должен был откинуть коньки. Ну ладно, I'll think later²³.

По крайней мере, одно известно наверняка: корабль – место безопасное. На флоте они всегда...

– Да, молодец, Александр. Как вы думаете, вы могли бы меня понести? – голос Балл стал совсем слабым, практически таял.

Сашка плюнул на все последние оставшиеся мысли – все равно никогда в них толку не было. Подхватил тело Княгини, легко вскинул на плечо (ран нет, даже царапина на шее уже затянулась, оставив только намек на шрам) и одним движением свободной руки проломил-продавил кирпичную стену торгового дома. Жертвенная кровь, сотню лет назад залитая в раствор, ничего не забыла и охотно откликнулась – проходи! Штурман не бежал, просто шел, плавно огибая стеллажи и отпихивая невесомые тюки с хлопком. Без разбега вышиб дверь в подсобку, взбежал по узкой лесенке, выпрыгнул через окно на плоскую соседнюю крышу, потом на следующую. Переулок тянулся вдоль задних стен домов, отвратительно вонял и был совершенно безлюдным. Путь для подвод с припасами, водоносов, золотников – и беглецов всякого рода. В квартале за спиной нарастал шум, кто-то неразборчиво кликал стражу, голосили женщины...

Сашка резко обернулся – левая рука легла на эфес Сумеречника – он так и не обнажил его ни разу за недавний короткий безумный бой.

– There is no need to be so nervous, – сухо сказал на прекрасном английском среднего роста серолицый (видимо, пожилой) вампир, одетый со вкусом, но старомодно. Он стоял на скате крыши, удерживаясь без видимых усилий, и с интересом разглядывал Сашку. – I have no intentions to trouble you. It would be unsportive, wouldn't it?²⁴

– Who are you?²⁵ – спросил Сашка с ненавистью. Он уже знал, кто это: один звук его голоса вызвал отголосок недавно пережитой боли.

– My name is Malvin Duerak, at your disposal, – сказал вампир. – Please pass my greetings to Marina Fedorovna, together with my sincerest desire to see her again. In the nearest future. And you too, my young friend. I hope we will continue our acquaintance.²⁶

– What do you want?²⁷ – резко спросил Сашка, и добавил один не слишком приятный голландский эпитет.

– My intention is merely to even the score, – пожал плечами вампир. – And to have some pleasure. Here is my card, pray, take it, – Сашка не взял визитку: он скорее потянул бы за хвост разозленного скорпиона. – You may call on me with you pretty friend for a cup of tea and I will tell you the whole story. But you seem to be in a hurry at the moment, my apologies.²⁸

Сашка отупело помотал головой: про визитку и про чай он не понял, это были какие-то странные, чуждые ему сейчас понятия, которые в сознании не задержались. Он, не говоря ни слова, просто развернулся и полез дальше по крыше: нападать этот мерзавец сейчас не собирается, а у Сашки не хватало сил гоняться за ним и платить ему, как он того заслуживает. А посему шут с ним. До следующего раза.

²³ Подумаю после (англ.)

²⁴ Нет необходимости так нервничать. У меня нет намерений беспокоить вас. Это было бы неспортивно, не так ли? (англ.)

²⁵ Кто вы? (англ.)

²⁶ Меня зовут Мэлвин Дюрэк, к вашим услугам. Прошу вас, передайте мои приветствия Марине Федоровне, вместе с моим искреннейшим желанием снова увидеть ее. В ближайшем будущем. И вас тоже, мой юный друг. Надеюсь, мы продолжим знакомство. (англ.)

²⁷ Чего вы хотите? (англ.)

²⁸ Мои намерения – всего лишь сравнять счет. И получить немного удовольствия. Вот моя визитка, молю, возьмите ее. Можете заглянуть ко мне с вашей симпатичной подругой на чашку чая, и я расскажу вам всю историю. Однако вы, кажется, спешите сейчас. Мои извинения.

– ...Вывих левой стопы, растяжение связок на обеих руках, внутренняя гематома трехглавой мышцы, трещина в лучевой кости, ушибы, ссадины, на правой руке сорваны ногти – helvete, Златовласка, ты нехило поразвлекся! Твое счастье, Людоедка говорит, что капитан это все залатает в одну минуту... И еще более счастье, что капитан, опять же, к утру отойдет – если б ты ее угробил, пожалуй, мне пришлось бы мстить Берг над твоим холодным трупом, потому что вмешаться я не успела бы, – Санька говорила сердитым, ироничным тоном, но рука ее, держащая губку у Сашкиного лба, двигалась ласково и нежно.

Тем же тоном она продолжила:

– Такой скромный, такой тихий – вот и отпускай тебя теперь с Княгиней вдвоем!

Сашка лежал на мягком диванчике кают-компания, и ему было все равно. Пусть отдадут хоть под какие трибуналы, запирают на гауптвахту, выдают властям – сознание медленно отщипывало территорию инстинктов, но сил переживать прошедший бой не было. Да и воспоминаний не было.

До утра – а там... что-то будет там.

– Это редкостная глупость, – заметила Княгиня с утра.

Чем компетентнее лекарь, тем менее заметны его усилия. Капитан Балл, должно быть, могла зарабатывать каждый день по десятку золотых частной практикой или запросто открыть свою лечебницу: по ней вообще было не видно, что она лечит. Она просто решительно размотала довольно хорошо наложенные Санькой повязки, расчесала Сашкины волосы для лучшего укрепления здоровья специальной расческой, и он сразу почувствовал себя не просто лучше, а прямо совсем хорошо. Все это время она продолжала его ругать спокойным и холодным тоном.

– Я вам благодарна за решительные и ответственные действия, штурман, – говорила Княгиня. – В самом деле, если бы не вы, мне бы потребовалось гораздо больше времени, чтобы выбраться из этой переделки. Но прошу также заметить, что, говоря о магии крови, я не имела в виду, что вы должны пожертвовать жизнью, вытаскивая меня – а именно это вы почти что проделали.

– Я тоже не собирался жертвовать жизнью, уж поверьте, – произнес Сашка все еще слабым голосом, садясь на диване в кают-компанию, где он провел эту ночь в каком-то болезненном, полном сомнений забытии. – Просто не подумал.

– Любопытно, что вы подсознательно считаете себя больше вампиром, чем меншем. Несмотря на то, что прописано в вашем паспорте. Я-то, собственно говоря, хотела вас попросить о глотке вашей крови – тогда я смогла бы разорвать узы. С меншами это работает. А вы не поняли. Прошу за это прощения. Неуместной деликатностью, как выяснилось, я поставила вашу жизнь под угрозу.

Сашка вздохнул. Он должен был понять: обычная вежливость воспрещает вампиру попросить менша о крови прямо, даже если очень надо. Белобрысов был достаточно хорошо знаком с вампирским этикетом, чтобы представлять, насколько именно это неудобно. Это все равно как попросить у незнакомого человека на улице деньги или хорошо знакомого – провести с тобой ночь.

Куда как просто было полоснуть себя ножом по запястью. Вместо этого он полез кусаться: не хватило ума сообразить, что у него не хватит ни врожденной магии, ни физической крепости ввязываться в это дело на равных.

– Вы не виноваты, – сказал Сашка. – Я должен был... – он замялся, понял, что нормально не сформулирует, и задал вопрос, столь же отрывочный, как его попытка извинений. – А как вам удалось?..

Балл, однако, поняла.

– Старый фокус, – пожала плечами. – Видите ли... Если узда есть, не так уж важно, кто дающая, а кто принимающая сторона. Любую связь можно повернуть шиворот-навыворот, вот

я временно и взяла часть вашей боли. Постаралась забрать как можно больше – но не уверена, что взяла достаточно.

– Спасибо.

– Это мне надо вас благодарить.

– А почему вы тогда не проделали то же самое с тем... ну, с тем, кто захватил вас? – Сашка решил пока не признаваться, что он встретил этого вампира. Промолчишь – оно и спокойнее получится.

– Его зовут Мэлвин Дюрак, мой давний недруг. Настолько давний, что, полагаю, если он однажды все-таки меня убьет, ему останется только заколоться. Мы примерно на равных, а обратив связь можно, только если один из партнеров значительно слабее, – Сашка собирался это проглотить (а что делать, и в самом деле слабее!), но Княгиня внимательно посмотрела ему в глаза и продолжила: – Или же не имеет ничего против. Доверяет тебе. Я была удивлена, что вы мне доверились, штурман. Неужели вы до такой степени лояльны?

Сашка пожал плечами.

– Не знаю. Мне просто хотелось вас спасти. Вот только... Могу я обратиться, капитан?

– Можете.

– Капитан, скажите, что у вас за общие дела с работоторговцами?

Княгиня молчала.

Сашка помялся, но все-таки есть такие вещи, которые говорить обязательно надо, и он сказал – как в омут головой кинулся.

– Если вдруг у вас с ними какие-то дела, прошу вас, разрешите мне сойти здесь на берег.

– Здесь? – Княгиня подняла брови. – Где за пределами порта на вас повиснет вся городская полиция?

– Именно здесь, – Сашка побледнел, но стоял на своем. – Не знаю, как Сань... Кассандра, а я не могу быть замешанным в работоторговле. Ни дня, ни часа. Просто не могу.

Княгиня улыбнулась так мимолетно, что Сашка подумал: почудилось. После удара по голове чего только не почудится.

– Отлично, штурман. Даю вам мое честное слово, что мои дела с «Аль-Ширвани и сыновья» никак не связаны с торговлей людьми. Могу поклясться на крови, если хотите.

– Никакой магии крови, – сказал Сашка. – Пожалуйста.

– В таком случае, помните, что через час вам заступать на вахту, а через пять часов назначен взлет. Вы уже полностью здоровы, штурман.

Через час Сашка действительно заступил на вахту – в порту еще более символическую, чем в эфире при попутном ветре. Сперва он честно задремал в штурманском кресле, а потом проснулся, как ужаленный, от ужасной и совершенно внезапной мысли: связь! Узда! Княгиня помогла ему перенести последствия, но узда-то осталась, и еще какая! Следовательно, он сейчас Старший по отношению к Княгине?! Быть того не может!

– Оп-ля... – сказал Сашка вслух. А потом так же, вслух, чтобы успокоить себя, сказал: – Да нет, чепуха. Я же ее силы не забирал, клятв не брал и не давал, магического контракта нет...

Тут же до него дошло другое: укус по приглашению и без контракта между разнополюсными вампирами (а сексуальных девиаций у вампиров почти не бывает, поэтому укусы без контракта между представителями одного пола встречаются исчезающе редко) приравнивается к помолвке. Между меньшими и вампирами это не принято – там добровольный укус чаще бывает дружеским одолжением, – но ведь Сашка вообще впервые слышал, чтобы меньш кусал вампира.

А третья мысль была успокаивающая: да ладно, ведь обратного укуса тоже не было! Значит, никаких обязательств.

Точно, не было? А как Княгиня его спасла?

Сашка потрогал шею, повертелся туда-сюда, пытаясь себя рассмотреть, но толком ничего не нащупал и ни к какому выводу не пришел.

«Ладно, – сказал он себе, – не в средневековье живем. И вообще, ее дело. Она старше, и к тому же... – он задумался, что «к тому же», но нашелся: – Женщина! Если ни слова не сказала, значит, все в порядке».

Глава 7, об эфирных байках

Опять была капитанская вахта, и трое младших членов команды собрались в кают-компании помузыцировать. На пути до Аль-Карима они играли втроем всего два или три раза – редко так совпадало, чтобы все были свободны. Зато Сандра и Сашка импровизировали часто, успели заново привыкнуть и друг к другу, и к инструментам. Что же касается Бэлы, то она раз сыграла с Сашкой, и порой слышно было, как она стучит у себя в каюте, обернув палочки мехом.

Сандра весьма рискованно переложила «Маленькую ночную серенаду» с использованием ударных, и вот ее-то они в тот день и опробовали. Получилось небесспорно, но, как они решили, весьма неплохо – надоевшая со школьной скамьи музыка зазвучала куда свежее.

– Кажется, Моцарта не может испортить никакая перемена темпа, – довольно улыбнулась Сандра, откладывая скрипку. – По-моему, очень удачно!

– Я несколько раз ошибся, – вздохнул Сашка. – Ну и ладно.

– Я не заметила, – неожиданно сказала Белка.

Сашка посмотрел на пилота с некоторым удивлением: одобрительная ремарка с ее стороны была делом почти неслыханным.

– За это надо выпить, я считаю! – Сандра потерла руки и полезла в общий буфет за ромом. – Ну, как вы насчет грога, товарищи?

– Я заварю чай! – Сашка легко перенял энтузиазм подруги.

– Да ладно, Златовласка, сиди, я заварю...

– Санечка, я тебя умоляю, позволь мне! – говорил Сашка вовсе не с умоляющей интонацией: улыбался он так, словно флиртовал. – Если я буду вынужден пить твой чай, с меня станется поднять бунт на корабле. Ей-ей.

– Не ценишь ты истинное кулинарное искусство, – пожала плечами Сандра. – Ну и бездна с тобой.

Чай был заварен, грог разведен, и Сашка начал рассказывать старую как мир эфирную байку про «Асунсьон» – галеон, который еще на заре звездоплавания затерялся где-то в эфире с закончившимися корабельными кристаллами.

– Слушай, ну это уже дурной тон! – запротестовала Сандра. – Старье-старьем, ушам больно!

– Постойте, – неожиданно заинтересовалась Бэла, – история, безусловно, старая, но меня всегда интересовало: насколько реально выжить в эфире, если сели двигательные кристаллы?

– Если сели двигательные кристаллы, но кристаллы жизнеобеспечения работают – то нет ничего проще, – вмешался Сашка. – Это тебе кто угодно пояснит. Вот если наоборот...

– Если наоборот, – сказала Сандра, – есть специальные заклинания, которыми можно ненадолго создать защитную сферу вокруг корабля, и за это время переориентировать двигательные кристаллы на жизнеобеспечение. Хороший корабельный маг это может. Но в одиночку тоже не сделаешь: надо, чтобы кто-то на подстраховке был. Потом придется идти без кристаллов, на одних парусах. Это если на судне есть парусный мастер.

– А если сэйл-мастера нет? Что тогда?

– Ну, если не выпали из стрима при аварии, и если стрим широкий – то большая вероятность, что кого-то встретите, и этот кто-то поделится запасными кристаллами, – пожала плечами Санька. – Технически сложно, но возможно. А если выпали из стрима, то... – она развела руками. – Ну, нужда заставит – и рядовой пилот на сэйл-мастера выучится. Хотя, если честно, шансы тогда у всего корабля так себе.

– Нужда чему угодно научит, – встрял Сашка. – Я вот слышал историю об одном парне, помощнике штурмана, который при аварии спасся в бочке с обломком двигательного кри-

стала. Он умудрился не то что его на жизнеобеспечение перечаровать, а еще и привязать магию к дереву бочки! Дрейфовал, говорят, четыре дня без воды и пищи, пока его не подобрали на «Добродетели Пророка» – это трехмачтовик Эмиратов.

– По-моему, это байка, – усомнилась Санька. – Бочки – они же щелястые. Эфирная материя проникнет. А всем известно, что в эфире жить нельзя.

– Да ну, нельзя? – Сашка и сам знал, что нельзя, но не мог не возразить.

Какое-то время все трое довольно активно обсуждали, возможно ли обитание в эфире каких-нибудь животных. Кто-то припомнил фантастический роман о солнечных тюленях, будто бы живущих в короне звезд.

– Ну да, в космосе-то может быть любая жизнь, какая угодно, – с неожиданной горечью произнесла Сандра. – Но то в космосе. Что мы, в сущности, знаем о нем? Вообразили себя покорителями пространства, и радуемся! Но на самом-то деле мы ни одну бескислородную планету исследовать не смогли! И ладно бы это – мы даже на Луне не были! Даже искусственный спутник на орбиту Земли послать не можем! Вот – стыд нашего эфирного века. Что такое эфир? Суррогат, песочница. Освоили тоненький слой Вселенной – и радуемся... Тогда как за завесой всех этих стримов, карикатуры земных морей и ветров, могут лежать настоящие чудеса *настоящего* пространства!

– Ну-ну, – сказал Сашка.

Сандра тотчас спохватилась и извинилась перед всеми и перед кораблем, и даже, на всякий случай, перед таинственными эфирными духами: никто, конечно, не хотел случайно навлечь на корабль неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.